

АНДЕРС РОСЛУНД

Роман переведен более чем на 15 языков.
Шорт-лист «Книги года» в Швеции в 2020 году.
Шорт-лист «Storytel Awards» в номинации «Лучший саспенс».

ИМЕНИННИЦА

И

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

Андерс Рослунд

Именинница

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Рослунд А.

Именинница / А. Рослунд — «Эксмо», 2019 — (Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды)

ISBN 978-5-17-090250-7

Семнадцать лет назад криминальный инспектор Эверт Гренс был вызван на место жестокого преступления. Убита семья, единственная выжившая – пятилетняя девочка. Ее поместили в программу защиты свидетелей и закрыли дело, но годы спустя инспектора Гренса все еще преследуют воспоминания об убийствах и ребенке, которого пощадили. Когда он узнает, что квартира, в которой произошло преступление, была взломана, начинает опасаться, что кто-то намеревается заставить замолчать последнего свидетеля. Тем временем кто-то в преступном мире города казнит торговцев оружием и угрожает семье бывшего полицейского осведомителя Пита Хоффмана. Он должен раскрыть тайную угрозу, сохраняя при этом собственные секреты. Вскоре его поиск ответов переплетается с исканиями Эверта, и двое мужчин оказываются в эпицентре преступного заговора, более сложного и опасного, чем они могли представить.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-090250-7

© Рослунд А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Красивая дверь	7
Часть первая	10
Часть вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Андерс Рослунд

Именинница

С днем рожденья тебя

Anders Roslund
JAMÄHONLEVA

Copyright © 2019 by Anders Roslund
Published by agreement with Salomonsson Agency

© Боченкова О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Ранее

Итак, мне пять лет.

Или почти.

Я знаю – пять лет и еще несколько дней и ночей.

Еще совсем недавно я сидела за столом на кухне между папой и мамой, напротив Элиота и Юлии, и задувала свечи на торте. Ровно пять штук – и все такие красные. Разве только чуть синеватые внизу, если присмотреться внимательней.

С тех пор прошло всего несколько дней и ночей.

Я прокашливаюсь и начинаю петь. Я счастлива, как и всегда, когда пою. «С днем рождения тебя...» – мой звонкий голос отскакивает от потолка и стен и возвращается ко мне – остается поймать его и сжать в объятиях.

С днем рожденья тебя-я-я...

С днем рожденья тебя-я-я...

Эта песня заглушает даже телевизор. Детский канал – я смотрела его весь день. И вчера тоже, и позавчера. Такого никогда не бывало раньше.

Я поднимаюсь. Трудно сидеть на полу, когда ноги хотят двигаться, что случается с ними все чаще. Я передвигаюсь прыжками. Гостиная велика, и здесь мне следует быть особенно осторожной, потому что диван почти новый, а стол стеклянный. Стоит на секунду забыть – и на нем появляются пятна, похожие на отпечатки моих пальцев.

Я покидаю гостиную и оказываюсь в комнате Элиота, где он сидит за настоящим письменным столом перед включенной лампой и делает вид, что читает. Я-то знаю, что это не так. Он просто смотрит в открытую книгу.

Но читать Элиот умеет, он ведь учится во втором классе. Он стал таким хорошим в последнее время. Наверное, потому что у меня день рождения. Мне больше не четыре года, я совсем большая. И Элиот разрешает мне играть со своим автобаном, который обычно ставил высоко в шкаф, чтобы я не могла достать. Даже позволил мне поиграть два раза с голубым автомобилем с желтой полосой на крыше. Раньше такого не бывало.

Я прыгаю только на одной ноге. А если вторая тоже нечаянно коснется земли, возвращаюсь на прежнее место и начинаю сначала. Я сама придумала такие правила.

В комнате Юлии есть кукольный домик. Он старинный, и мне не дают с ним играть. Стоит мне только взять его в руки – и Юлия устремляется в мою комнату, хватая меня и начинает изо всех сил трясти. Но сейчас моя старшая сестра спит. На животе, отвернув лицо в сторону. Поэтому она не видит, что несколько игрушечных стульев переместились с верхнего этажа домика на нижний.

Теперь прыгать опасно. Вдруг она услышит? Самым правильным будет улизнуть как можно скорее. Даже подумать страшно, что будет, если Юлия проснется и увидит меня возле ее кукольного домика. Она будет кричать, может, даже пустит в ход кулаки.

Мама сидит на кухне и смеется. Не так, чтобы было всем слышно, но я вижу, как она радуется, глядя на мои прыжки. Это здорово, когда у мамы хорошее настроение. Можно пить апельсиновый сок прямо из прямоугольной упаковки и не бояться, что несколько капель стечет по подбородку на пол. А можно насыпать на стол немного коричневого сахара и муки и попробовать замесить тесто.

Я взбираюсь маме на колени, уцепившись за край стола. Теперь с ней так легко разговаривать. Стоит только приложить ухо к животу или груди мамы, и можно услышать ее голос, еще до того, как она успеет что-нибудь сказать.

Посидев у мамы на коленях, я, все так же прыгая на одной ноге, пробираюсь в прихожую, к папе, который читает газету в плетеном кресле. Я не должна ему мешать, поэтому стараюсь передвигаться как можно тише среди старых зонтиков, ваз и множества обуви. Тссс – я замираю. Но кресло широкое, в нем хватит места и для меня тоже. Я знаю, что папе нравится, когда я сажусь рядом с ним. Главное, чтобы я не мешала ему перелистывать огромные газетные страницы, которые так громко шелестят.

Элиот и Юлия, мама и папа. Теперь я люблю их даже больше, чем раньше. Потому что могу говорить, сколько хочу, а они меня слушают.

Как все-таки хорошо, что мне исполнилось пять лет и еще несколько дней и ночей.

Я снова пою. *С днем рожденья те-ебя-я...* Так громко, что не слышу, как в дверь звонят. Но звонок повторяется, и я замолкаю. Спрыгиваю с папиных колен и во весь дух бегу к входной двери. Теперь я могу дотянуться до замка, стоит только встать на цыпочки и, может, совсем чуть-чуть подпрыгнуть.

Я должна повернуть эту блестящую штуку. Это мама научила меня управляться с ней, когда говорила, что нужно запирает за собой дверь.

И еще мама говорила, что эта штука должна быть похожа на улыбку, а не на нос.

Я хватаю ее пальцами... Еще и еще раз.

Красивая дверь

Массивное, темное дерево – начало двадцатого века. И звонок не резкий, а как будто чуть приглушенный, эхом отдается от стен с обоями в цветочек. Эти обои не производят впечатление наклеенных и словно прорастают сквозь стены, по мере того как поднимаешься по чуть закругленной лестнице. Дом в центре Стокгольма. Эверт Гренс окидывает взглядом высокий, благородный потолок и в третий раз нажимает кнопку звонка.

– Там кто-то есть, точно... Я слышу это весь день, сквозь пол в гостиной, прихожей и даже в туалете. И так громко, будто поют совсем рядом. Представляете, как надо кричать?

Противный писклявый голос сзади приближается к Эверту Гренсу со спины.

Тот не поворачивается, не отвечает, звонит в дверь в четвертый раз.

– Это кто-то из детей, точно. У них их трое. И телевизор, который не выключается вот уже которые сутки. Он работает даже ночью, представляете? Вот я и решил сообщить в полицию... Моя квартира этажом выше.

Наконец комиссар поворачивается.

Мужчина чуть за сорок сложил руки на груди. Эверт Гренс терпеть не может таких типов и сам не знает почему. Наверное, потому что они так любят подглядывать за соседями в замочную скважину.

– С днем рождения те-ебя-я...

– Что? – переспрашивает Эверт.

– Ребенок, – мужчина кивает на дверь. – Поет...

«Это тот человек, который сообщил о подозрительных звуках, – догадывается Гренс. – И позвонил еще раз, когда к звукам добавились не менее подозрительные запахи».

– Могу я попросить вас вернуться в свою квартиру?

– Да, но это ведь я...

– Вы все сделали правильно, – перебивает мужчину комиссар, – и теперь мне хотелось бы, чтобы вы поднялись к себе. Я разберусь с этим один.

Гренс ждет, пока мужчина удалится, и снова нажимает звонок, на этот раз чуть дольше удерживая на нем палец. Никто не открывает. Гренс пытается приподнять крышку почтовой щели – ничего не получается. И тут по ту сторону двери раздаются характерные щелчки.

Кто-то упорно возится с замком и мягко стучит в пол.

– Полиция.

И снова приглушенный звук, словно кто-то прыгает.

– Полиция, откройте.

Похоже, с замком все получилось. Теперь в движение приходит дверная ручка.

Эверт Гренс терпеть не может оружие, но сейчас он вытаскивает пистолет из наплечной кобуры и отступает в сторону на полшага.

У нее довольно длинные волосы. Комиссар мало что понимает в детях, но дает ей четыре – самое большее пять – лет.

– Здравствуйте.

На ней красное платье, с жирными пятнами на груди и животе.

Она улыбается. На лице пятен еще больше, похоже на последствия неаккуратного приема пищи.

– Привет. Мама и папа дома?

Девочка кивает.

– Отлично. Можешь позвать их?

– Нет.

– Нет?

– Они не могут ходить.

– Не могут?

Час от часу ситуация становится все более странной.

И этот запах, такой узнаваемый. Комиссар почувствовал его еще у роскошной лестницы, и он просто шибанул в нос, когда девочка открыла дверь. Эверт Гренс понял его происхождение, лишь когда углубился на несколько шагов в прихожую и оказался перед мужчиной, который сидел, откинувшись в плетеном кресле, между шляпной полкой и шкафчиком для обуви.

– Вот мой папа.

Огромное пулевое отверстие во лбу, чуть справа. Стреляли в упор, с близкого расстояния. Похоже, револьвер, пули с мягким наконечником – наполовину свинец, наполовину титан.

– Я же говорила...

Еще одно, меньшее, чуть ниже левого виска, под косым углом.

– ...что они не могут ходить.

Прежде чем комиссар успевает отреагировать, девочка запрыгивает папе на колени. Отводит в сторону негнущиеся руки, устраивается в кресле справа от мертвеца.

– Иди сюда, – зовет ее комиссар.

– Мне надо поговорить с папой.

– Иди сюда.

Гренс никогда не брал на руки ребенка такого возраста. Девочка оказывается тяжелее, чем он предполагал, когда он осторожно поднимает ее за плечи.

– Еще кто-нибудь здесь есть?

– Кто-нибудь? – повторяет она.

– Только ты и папа?

– Все здесь.

Мама сидит на кухне. Она как будто улыбается, но лицо окаменело, и губы словно смерзлись. Два пулевых отверстия, как у папы, – во лбу и пониже виска. На столе, полу и платье – мука и сахар. Подошвы ботинок липнут к полу, когда Гренс приближается к женщине. Но взгляд приковывает торт, все еще не разрезанный, с пятью потушенными свечами и ломтиками зеленого марци-пана.

– Это мой торт.

– Очень красивый.

– Я сама потушила свечи.

Еще двое обнаруживаются там, куда указывает девочка. Сестра лежит на кровати в своей комнате, входное пулевое отверстие в затылке. Брат за письменным столом – дыра в виске, чуть под углом сверху.

И этот чертов звук на полную громкость. Детский канал.

Эверт Гренс выключает телевизор и словно освобождает место для проклятого запаха.

Огромная гостиная сразу кажется пустой.

Гренс опускается на черный кожаный диван, длинный и блестящий, девочку сажает на кресло. Комиссар смотрит на нее. Похоже, малышка совсем не боится, что-то напевает себе под нос.

– У тебя красивый голос.

– С днем рожденья те-ебя-я...

– Очень хорошо поешь. У тебя день рождения?

– Да.

– Пять лет? Сколько свечей на торте?

– И еще несколько дней.

– Несколько дней?

– И ночей.

Эверт Гренс озирается, старается дышать медленнее, ритмичнее.

Несколько дней и ночей – столько она живет с этим запахом.

Сейчас

Часть первая

Он никогда не любил лето.

Это неприятное ощущение, как будто что-то постоянно липнет к коже, с которым он одно время боролся, но безуспешно.

Жара.

Жизнь останавливается. Люди гуляют в шортах и слишком громко смеются.

Комиссар Эверт Гренс лежал на вельветовом диване, – давно уже однотонно коричневым, без полос, – положив голову на слишком высокий подлокотник и утопая спиной в просиженной набивке. Из динамиков, втиснутых на полке между папками с материалами расследований, лились ласкающие слух шлягеры шестидесятых, которые Сив Мальмквист пела сегодня только для него.

Оба окна в комнате нараспашку. Двадцать семь градусов снаружи, столько же внутри – и это утром. Эверт Гренс прекратил сопротивляться, когда понял, что не одинок. Это лето изменило многих, и те, кто не проклинал погоду, обращали ненависть против людей. Чертова жара въелась им в мозг. Заключение бунтовали, задыхаясь в камерах. Но и вне тюремных стен все тряслось как в лихорадке. Сердца работали быстрее, нагнетая ток крови в жилах, и люди чаще, чем обычно, истязали и убивали друг друга.

Гренс расследовал убийства всю свою сознательную жизнь и работал в основном ночами, которые в это время года никогда не бывали совсем темными. А отдыхать предпочитал поздней осенью или зимой. Гренс не мог припомнить случая, когда проводил отпуск без снега.

Из полудремы его вывел стук в дверь.

Так просто это не закончится.

Шея затекла, нога, как обычно, болела.

На сегодняшний день он старейший в этом участке, если не во всей полиции округа «Сити». Не пройдет и полугодя, и Гренс канет в бездонную черную дыру, из которой не возвращаются. Она пугает его куда больше, чем постель дома. Он ни в коем случае не должен этого делать, но почему-то думает только об этом.

Он снова стучит. Настойчивый... Черт.

Больше сорока лет, боже мой... Гренс был таким молодым, когда впервые переступил порог этого здания, но уже тогда понял, что оказался на своем месте.

Тогда ему и в голову не приходило, что когда-нибудь это закончится. И не потому, что он сам того захочет, а потому, что так решило за него общество, в котором Гренс жил и которое не выбирал.

– Эверт?

Это Хермансон, и она больше не стучит. Теперь она зовет его через замочную скважину.

– Я же знаю, что ты там... Я вхожу. Думай обо мне что хочешь.

Когда дверь открылась, Эверт все еще лежал на вельветовом диване. Коротко взглянув на него, она направилась к магнитофону и щелкнула кнопкой. Сив смолкла – песня из той эпохи, когда все было намного проще.

Марианна Хермансон – единственная в этом участке, кто никогда не склонял перед ним головы. Совсем напротив, она нередко спорила и не подозревала о том, какую гордую улыбку вызывало на лице шефа ее дерзкое поведение.

– Взлом квартиры, Эверт.

Именно ее комната располагалась в самом конце коридора. Стажерки, принятой на время летних отпусков, которую Гренс пробил через все бюрократические препоны, отстранив множество куда более квалифицированных кандидатов.

Он полюбил ее как дочь, которой у комиссара никогда не было. Иногда Хермансон решительно накрывала его руку своей и, глядя в глаза, начинала задавать вопросы, которых Гренс предпочел бы никогда не слышать. Или высмеивала его, заставляя усомниться в том, в чем он единственно был уверен.

– Я хотела бы, чтобы ты взглянул на это.

Гренс сел на диване, зевнул, потянулся и кивнул на стопку бумаг на письменном столе.

– Я не занимаюсь взломами, потому что в последнее время в этом городе гибнет слишком много людей. И мне, как ты понимаешь, этого вполне хватает.

Но Хермансон никогда так просто не сдавалась.

– Далагатан, 74.

– Что?

– Третий этаж.

– И что?

– Номер квартиры 1301.

Она протянула ему конверт, который держала в руке. Гренс медлил.

– У тебя такая же жара, Хермансон? Кондиционеры, похоже, не справляются.

Она опустила с ним рядом, и продавленный диван угрожающе осел почти до пола.

– Взлом квартиры, Эверт, и при этом ничего не пропало. Поэтому я отложила это заявление в долгий ящик... У меня ведь тоже нет времени.

Хермансон кивнула на кипы бумаг на столе. Гренс хорошо помнил, как выглядел ее стол. Там кипы намного выше. И еще более высокие громоздятся на полу.

– В общем, я поступила как всегда в таких случаях. Хорошенько присмотрелась к бумаге, прежде чем положить ее на самый верх такой кучи. А потом открыла РЗ на предмет других преступлений в этом доме и окрестностях за последние несколько лет.

Эверт Гренс снова потянулся, но на этот раз не зевнул. Вспомнил всю сцену с самого начала – вторжение Хермансон и песню, которая оборвалась, и потом этот голос, сразу завладевший его вниманием. Теперь комиссар улыбался, возможно, сам того не осознавая.

РЗ – Разумные Заявления. Это он научил ее.

– И?

Гренс все еще не понимал, к чему она клонит.

– Там все выглядело как обычно. Множество краж. Нанесений телесных повреждений даже больше, чем обычно за роскошными фасадами. Наркотики... куда же без них. Ну и паратройка убийств. – Она наклонилась вперед, прижала к груди Гренса то, что держала в руке. Комиссар нехотя взял конверт. – И при этом никакой привязки к этому взлому... Ни малейшего намека на то, зачем среди бела дня кто-то проник в квартиру в центре города, обошел ее, огляделся и ушел, так ничего и не взяв...

– Что, если я открою дверь в коридор? – перебил коллегу комиссар. – Ведь если у кого-то еще в кабинете открыты окна, получится сквозняк... А так... Двадцать семь градусов снаружи, сейчас, думаю, даже градусов на пять побольше. Что ты об этом думаешь?

Но Хермансон трянула головой.

– Я уже собиралась выйти из системы. Отложить это дело в долгий ящик, к пятидесяти шести тысячам не раскрытых в нашем округе преступлений... Вильсон велел бы списать его через пару месяцев.

Гренс прикрыл глаза и помахал конвертом, словно веером, – лицо обдало прохладным ветерком. Но Хермансон вырвала конверт, достала одну из бумаг, выложила на шаткий ночной столик и нетерпеливо разгладила пальцами.

– Я уже собиралась выйти из системы, – повторила она, – когда увидела это... Значок в самом конце списка. Красный флажок, – она ткнула в бумажку пальцем, – это значит, что есть еще одно дело, как-то связанное с этим адресом, и оно хранится в архиве и только в бумажной форме. Расследование семнадцатилетней давности – тот же дом, тот же этаж и та же квартира. И вел его ты... Убийство.

Теперь Гренс ее слушал, но все равно пока ничего не понимал.

– Красный флажок...

*В случае расследования по адресу Далагатан, 74
независимо от вида преступления
немедленно связаться с комиссаром Эвертом Гренсом*

– Это ведь ты оставил, Эверт. Узнаешь подпись?

Наконец комиссар взглянул на листок, по которому Хермансон все еще водила пальцем, показывая нужные места.

– Семнадцать лет назад? – переспросил он.

– Да.

– Убийство?

– Да. Или, вернее, четыре убийства. Мать. Отец. Сын. Дочь.

И все-таки странно работает человеческая память. Нечто вдруг всплывшее на ее поверхность успеваешь за какие-нибудь пару минут набрать такую силу, что занимает все мысли, стремительно вытесняя из головы остальное.

Все мысли.

Потому что теперь Эверт Гренс вспомнил.

Он выглянул из открытого окна.

Внутренний двор полицейского участка Крунуберг был полон коллегами. Одни нежились на скамейках, подставляя солнцу носы и щеки, другие в тени низких деревьев попивали кофе из коричневых пластиковых чашек.

Он опять разнервничался, черт...

Или это жара нагнетает в теле беспокойство? Во всяком случае, то, что струится вдоль усталой спины, точ- но пот.

Или это все девочка с грязными щеками и подбородком, которая прыгала по комнатам, где стоял этот чудовищный запах? В самом страшном месте преступления, какие только повидал Эверт Гренс за свою долгую карьеру. В комнатах, где лежала ее мертвая семья.

Эверт Гренс любил гулять по городу. С тех самых пор, когда делал это в компании Анны, которая крепко держала его за руку. По утрам движение на улицах особенно суетливо, а он взбегаешь на зеленый холм в Крунубергском парке, глядит на свое отражение в воде с моста Святого Эрика и пересекает беспокойную площадь Оденплан в направлении погруженных в молчание домов Далагатан.

Ему шестьдесят шесть с половиной. Еще каких-нибудь полгода – и Эверт Гренс передаст ключи от своего кабинета другому, более молодому инспектору. Чтобы тот поселился там вместо него и открывал дверь, когда в нее будут стучаться. Совсем как сам Гренс, когда-то много лет назад сменивший старого коллегу, имени которого не помнит теперь ни он, ни кто-либо другой в участке.

Жизнь скоротечна. Мы были только что – и вот нас уже нет.

А ведь говорят, что пенсионный договор в полицейском управлении один из самых выгодных на рынке труда. И многие коллеги только и мечтают о том, чтобы как можно скорее навсегда закрыть за собой неуклюжую железную дверь на Бергсгатан.

Уйти, не оглядываясь.

Разом лишиться всего.

Стать никем.

Эверт Гренс никогда ничего не боялся, – просто потому, что однажды принял такое решение, убедившись в бессмысленности и отвратительности страха. Но с некоторых пор и он подолгу метался ночами без сна на продавленном вельветовом диване. И все потому, что не знал ничего, кроме полицейского участка. Не умел делать ничего другого, кроме того, что делал, ни к чему больше не стремился и ни с кем, кроме полицейских, не находил общего языка.

Еще пара минут по раскаленному асфальту Васастана, мимо строгих особняков, наблюдающих за ним глазами огромных окон, – и вот он у ворот с номером 74, куда впервые вошел семнадцать лет назад.

Все те же закругленные ступени лестницы, высокие потолки, обои в цветочек.

И на третьем этаже поджидает та самая массивная дверь, – теперь, правда, со следами взлома. Отметины совсем свежие, и стружка вокруг дверной ручки еще не успела потемнеть.

Гренс прикрыл глаза, пытаясь поймать ритм дыхания, так напоминающий прыжки маленьких детских ног по липкому полу.

– Да?

Ему открыла женщина чуть за сорок. Ростом почти с него, светлые волосы.

– Эверт Гренс, комиссар криминальной полиции округа Сити. Я по поводу взлома.

Ее взгляд стал пристальным, почти враждебным.

– Но я же объяснила по телефону...

– Все так, но я...

– Женщина, моложе вас – я сужу по голосу – она задавала мне вопросы, я отвечала. Не понимаю, честно говоря... Ко мне вламывались и раньше, не сюда, в летний дом... и тогда никто не приехал, хотя унесли все, и я так плакалась, звонила несколько раз. А теперь... Вы объявились уже дважды, хотя ничего не пропало.

– Инспектор Марианна Хермансон разговаривала с вами по телефону, а мне хотелось бы взглянуть, как все это выглядит.

Ее глаза настороженно сузились.

– В таком случае *мне хотелось бы* видеть ваше удостоверение.

Черная кожаная книжечка во внутреннем кармане – идентификационная карта, полицейский жетон. Для верности Гренс присовокупил к этому и визитку с номером телефона и электронным адресом, который сам едва помнил.

– Комиссар?

– Да.

– В таком случае я понимаю еще меньше. Комиссар полиции расследует взлом, и при том, что...

Она пожала плечами, отошла в сторону, делая жест загорелой рукой вглубь квартиры.

– Они перевернули все вверх дном... Тем не менее ничего не пропало.

И снова память, которая требовала места.

В прихожей стоял старинный комод и зеркало в золоченой раме, но вместо этого Гренс видел плетеное кресло и мужчину с пулевыми отверстиями в голове.

В гостиной вместо обеденного стола из соснового дерева ему померещился включенный телевизор с детской программой. А кухня, сверкающая и просторная, показалась липкой от

размазанных по столу и полу остатков еды. Вот и девочка, которая забирается на колени к мертвой матери...

Эверт Гренс смотрел на женщину, так неохотно впустившую его в квартиру. Следил за движением ее губ, пока она отвечала на вопросы. И помада на этих губах делала их похожими на красные именинные свечи и напоминала о торте, который так и остался неразрезанным.

Она не сообщила ему ничего нового. Обо всем этом Хермансон уже писала в рапорте. Злоумышленник вломился в квартиру в будний день, между восьмью тридцатью и одиннадцатью часами утра. На наружной стороне входной двери отчетливые следы инструмента из твердого металла. Содержимое гардеробов, шкафов и выдвижных ящиков брошено на пол. При этом шкатулки с драгоценностями, дорогие украшения, бумажник со значительной суммой в купюрах, новые компьютеры и картины именитых художников, которые развешены здесь по всем стенам, – все это осталось на месте. На покрытых пылью подрамниках нет даже отпечатков пальцев.

Злоумышленник ничего не тронул, кроме небольшого участка пола.

Женщина указала в сторону одной из детских комнат.

Тогда, во всяком случае, здесь была детская.

– Это комната для гостей, – пояснила хозяйка. – Когда-то здесь жил ребенок – мы поняли это сразу, как только въехали. Мы думали... С тех пор прошло шестнадцать с половиной лет, и мы тоже хотели устроить здесь детскую, но вот...

Гренс поймал ее взгляд – женщины, оплакивающей так и не родившегося ребенка. Он знал, что это такое. Слишком часто жизнь перечеркивает наши планы.

– Вот здесь, комиссар. Единственное место, которое... За стулом, видите? Там он немного разобрал пол.

На этом месте стояла кровать, на которой лежала, отвернув лицо в сторону, старшая девочка. Теперь здесь было раскладное кресло в голубую и белую полоску. Гренс подавил в себе желание присесть, продолжить прерванный отдых на вельветовом диване.

– Вот, видите?

Она оттолкнула кресло и маленький журнальный столик. Отогнула край тканого ковра.

Эверт Гренс сразу выпрямился, потом опустился на одно колено. Морщась от боли в ноге, плашмя лег на отполированный деревянный пол. Одна из досок разрезана на три части. Острые сколы. Ниже квадратное углубление, – в бетонном полу, который кому-то служит потолком.

Комиссар измерил углубление пальцами – примерно четыре на четыре сантиметра.

Тайник, из которого вынули содержимое.

То, что пролежало в нем семнадцать лет.

Чертова жара.

Эверт Гренс толкнул дверь самого красивого из когда-либо виденных им подъездов и словно проскользнул в уплотнившийся от жары воздух, который ощущался на коже склизкой влагой. Тут верные двадцать восемь градусов, если не выше. Комиссар снял пиджак, расстегнул воротник рубашки и медленно побрел по вымершей Далагатан.

Однажды он уже шел этой дорогой – тогда, с ребенком на руках.

Гренс погрузился в воспоминания. Сглотнул, ощущая, что горло пересохло. Он смотрел на квадрат четыре на четыре сантиметра, который не заметили ни он, ни криминалисты, работавшие на месте преступления. И вот теперь эта самая коробочка вжалась ему в живот, заставляя в полной мере ощутить пустоту, в которой так долго лежало нечто, чего больше там нет.

В тот раз было прохладнее – поздняя осень, и на Эверте был другой серый пиджак. Буквально через пару шагов девочка склонила голову к его плечу и прикрыла глаза. Их сопровождала патрульная машина, которую вел один из вызванных на место преступления ассистентов. Где-то возле Васапарка парень подъехал ближе, остановился и пригласил комиссара сесть.

Эверт пробормотал что-то невнятное и пошел дальше – Оденгатан, Санкт-Эрикгатан, Флеммингатан. Пятилетняя малышка дремала, доверившись ему, – так, по крайней мере, понимал это Гренс. Ему казалось, что именно так оно и должно выглядеть – доверие.

В тот день, как и сегодня, он вошел в участок со стороны Кунгсхольсгатан, и женщина в стеклянной вахтерской будке приветливо кивнула комиссару, который так часто засиживался в кабинете, когда в остальном здании давно уже не горел свет. Гренс привык ночевать под тонким пледом на вельветовом диване, избегая лишней раз переступить порог квартиры на Свеавеген, которую арендовал через подставное лицо.

Чашка черного кофе из автомата, втиснутого между старым факсом и новой копировальной машиной. Еще семь шагов – и он в своей комнате. Привычным движением включает музыку – Сив Мильмквист, «Тонкие кусочки», альбом «Оригинальные песни», 1960.

Он долго ерзал за письменным столом, нащупывая более-менее удобное положение. А потом так же долго не мог устроиться на диване и крутился с боку на бок.

И во всем виновата жара.

Или это Гренс лежит в пустой коробочке четыре на четыре сантиметра?

Он быстро поднялся, вышел из комнаты в коридор.

В воздухе завеса пыли – плотнее обычного.

Гренс нацедил в пластиковую чашку кофе – черного, как всегда, – и направился к лифту, мимо ее кабинета.

– Эверт?

– У меня нет времени.

Он не остановился.

Но Марианна бежала, окликнула Гренса, пока тот искал глазами красную кнопку со стрелочкой вверх.

– У меня тоже.

Она приблизилась.

– И все-таки я хотела бы знать.

– Ты обо всем узнаешь, но позже. Ты и Свен.

– Взлом, да? И ничего не пропало? Но я ведь вижу, как ты...

– Марианна Хермансон...

– Да?

– Позже, наберись терпения.

Он снова повернулся к лифту, который уже подъехал.

– Это те четыре убийства, да?

Она не сдавалась. Эверт вошел в лифт.

– Та же квартира и тот же следователь. Я же вижу, как ты... Разволновался. Я не могу подобрать другого слова.

Они смотрели друг на друга – он в лифте, она снаружи.

– Эверт, поговори со мной.

– Я думал, что совершил только одну ошибку, но, похоже, нет.

– Ошибку?

– Я знал, что упустил убийцу. Но я и не заметил маленького тайника в полу.

– Я ничего не понимаю.

– А я ведь страшно этого не люблю, Хермансон, оставлять открытые концы.

– Эверт, о чем ты?

– О том, что пока касается только меня.

Три этажа вниз – подвал, сырость, пыль, как и везде. Из лифта Гренс направился к двери, более тоскливой и массивной, чем все остальные в этом здании. Здесь был архив – полки, коробки, папки и четыре десятилетия его жизни в криминальном Стокгольме. Здесь преступ-

ники и жертвы – один момент их встречи друг с другом меняет мир раз и навсегда. И среди всего этого была одна полка, на которую Гренс никогда не смотрел – просто отворачивался в сторону, когда проходил мимо. Там хранились материалы одного расследования – смерти женщины, которая была для Гренса всем и исчезла навсегда, после того как полицейская машина, за рулем которой сидел он, раскрошила ей голову.

Но сегодня комиссар не только взглянул на эту полку, но и даже остановился возле нее. Это все равно как решиться навестить могилу той женщины на Северном кладбище, где он воздвиг белый крест и памятник с выгравированным именем. Время от времени Гренс снимал лейку, висевшую на ручке ржавого крана, и поливал высокий куст с розовыми цветами, который посадил сам. Уж очень понравилось название – трава любви¹. И там, в могиле, лежала она. Там и здесь, в коричневом архивном ящике с надписью «Анни Гренс» на боку. Эверт провел пальцами по чернильным буквам, повторяя их изгибы, и пошел дальше, мимо бесконечных полок, к другой Анни.

В глубине зала была комнатка, отгороженная стеклянной стенкой. И стойка с перегородкой, которая приподнялась на несколько сантиметров. Мужчина – примерно ровесник Гренса – смотрел на него сквозь круглые очки.

– Мне нужны бумаги по защите свидетелей.

Документ, к которому имели доступ лишь немногие. Нужно было писать запрос, заполнять формуляры, оформлять множество бумаг, чтобы получить возможность с ним работать. И хранился он в особом помещении, защищенном инструкциями Интерпола и СЭПО.

– Эверт Гренс? Давненько...

Архивариус не особенно ему обрадовался. Они никогда не нравились друг другу.

– Программа защиты свидетелей, – повторил Гренс. – И еще одно дело, которое так и не было завершено. Я хочу на него взглянуть.

Он взял вскрытый конверт из мусорной коробки, подхватил болтавшуюся на шнуре авто-ручку, написал номер дела на обратной стороне конверта и просунул в окошко мужчине.

– Хммм...

– Проблемы?

– Почерк... Не так-то просто разобрать.

– Там написано...

– Я вижу, что здесь написано, Гренс.

Пальцы архивариуса забегали по клавиатуре.

– Вот оно... – Еще щелчок. – Да, похоже, здесь...

– Отлично. В таком случае...

– Только после того, как предоставишь удостоверение. Ты ведь знаешь правила.

Гренс знал. Одно и то же каждый раз.

Очевидно, в этот момент архивариус ожидал возмущенного окрика, красных пятен, проступивших на щеках и шее, и пульсирующей у левого виска жилки. Но только не сегодня. Вместо этого Эверт Гренс успокоил дыхание и положил удостоверение и полицейский жетон на стеклянное блюдце перед архивариусом, который знал его вот уже без малого тридцать пять лет.

Мужчина за стойкой смутился, будто разочарованный так и не состоявшимся конфликтом. Он поправил очки и исчез за секретной дверью, в задней комнате с мигающей лампочкой без окон, чтобы тут же появиться снова с двумя папками, зеленой и синей, которые просунул комиссару в окошко.

– Ты знаешь правила, Гренс.

– Я знаю правила.

¹ Растение очиток, или заячья капуста, по-шведски называется kärleksört – «трава любви».

– Ты знаешь...

– Да, конечно, все как в прошлый раз. Я все копирую, отсылаю как минимум в «Экспрессен» и «Афтонбладет», и только после этого занимаюсь бумагами.

Комиссар развернулся и пошел прочь.

– Обещаю и сегодня сделать то же самое.

Коридор, лифт и снова коридор без конца.

И с каждым шагом, отдалявшим Гренса от архивной комнаты, тяжелели в его руке синяя и зеленая папки. Совсем как тело пятилетней девочки, прислонившей голову к его плечу.

Снова кофейный автомат – третья чашка. И вот он в кабинете – Сив Мальмквист и «Тонкие кусочки». И папки, теперь уже у него на столе.

Комиссар долго разглядывал их под разными углами – со стороны открытого окна, платяного шкафа и вельветового дивана. Наконец отошел к порогу и встал лицом к комнате, держась за дверную раму.

Они все еще лежали там и смотрели на него не менее пристально, чем он на них.

Гренс приблизился.

Положил ладонь на одну из папок. Рука дрожала, что бывало с ним не часто. Ведь до сих пор комиссар надеялся, что девочка с перепачканным лицом навсегда исчезла из его жизни.

Он открыл папку, просмотрел первую страницу.

Это была синяя папка. Довольно толстая, архивный номер надписан чернилами. В правом верхнем углу штемпель, который когда-то был черным.

Программа защиты свидетелей

Эверт Гренс откинулся на спинку дивана, поднес ко рту пластиковую чашку и выложил на стол четыре прошитые бумажные стопки.

Приказ о возбуждении дела —

семь страниц, Стокгольмский полицейский округ.

Протокол осмотра места преступления —

четыре страницы от отдела криминалистики.

Протокол вскрытия —

двадцать восемь страниц от отдела судмедэкспертизы в Сольне.

Протокол предварительного расследования —

пятьдесят четыре страницы, описание расследования, которое вел он сам и потерпел фиаско.

Гренс огляделся. Когда-то и она лежала здесь, в этой комнате.

Диван в то время был в куда лучшем состоянии и на вельвете отчетливо просматривались полоски. Девочка спала на импровизированной подушке, которую Гренс соорудил из своей куртки. Но спала по-настоящему, даже сопела.

И это был ее первый сон за несколько дней и ночей после дня рождения, – в этом комиссар был уверен.

Понедельник 23 октября 16:51 инспектор криминалистики Гренс вошел в подъезд дома по Далагатан, 74.

Он присел рядом и стал вслушиваться в слова, которые она бормотала. Рука тянулась к ее лицу, но Гренс так и не погладил девочку по щеке, каждый раз его смелости хватало

лишь на то, чтобы поправить ей платье. Про себя он уже решил, что теперь-то все сделает правильно. Несколько месяцев на Флетче – американской военной базе на юге Грузии – кое-чему его научили. Курсы для полицейских, они были там вместе с Эриком Вильсоном по приглашению американской стороны и узнали о защите свидетелей все, что только можно было узнать.

Он будет действовать иначе. Не так, как полицейское управление, когда пытались изолировать молодых людей, сбежавших из банды. Из бетонных стокгольмских пригородов их вывезли в красные деревянные домики в сосновом лесу между Болльнесом и Юсдалем. Или в какой-то другой лес, или на другую туристическую базу, где они должны были находиться в ожидании суда. Ключевые свидетели, нашедшие в себе силы описать на допросах в полиции дни адских пыток и немыслимых издевательств. Двое суток – ровно столько это работало. А потом обступившая со всех сторон тишина разразилась смертельным ужасом. Главный свидетель сломался, и парни снова сбежали в город, к такой привычной для них криминальной жизни.

На входной двери щиток с фамилией Лилай. Квартира состоит из пяти комнат и кухни. Везде горит свет.

Что касалось защиты свидетелей, здесь Гренс решил копировать американскую модель. Еще до того, как криминалисты закончили работу в квартире на Далагатан, девочку перевезли из его кабинета в безопасное место, заслуживающее отдельного описания.

Мужчина сидит в прихожей между шляпной полкой и шкафчиком для обуви.

Женщина за столом на кухне.

Старшая сестра лежит на кровати в спальне А, в положении на животе, лицо отвернуто в сторону. Брат обнаружен за письменным столом в спальне Б.

Девочка так и не поняла, что ее семьи больше нет на свете, и ничего не взяла с собой из квартиры, до того составлявшей всю ее вселенную. Ничего.

Но она должна была жить – так, по крайней мере, решил Гренс.

Пережить, а прошлое пусть останется в прошлом.

Мирза Лилай, Диеллза Лилай, Элиот и Юлия Лилай – отправлены в отдел судмедэкспертизы.

А Гренс, с пятилетней девочкой на руках, снова объявился в квартале, где стоял его дом, но в тех местах, куда до того ни разу не заглядывал.

Бутики детской одежды, магазины игрушек – финансовому отделу криминальной полиции пришлось осваивать новые статьи расходов. Девочке были нужны платья, обувь и банты для волос. Особенно ей понравились две куклы и красная коляска. Малышка выглядела такой счастливой.

В 18:23 все они были объявлены мертвыми.

Последним, что вытащил Гренс из сумки, которую ассистент собрал в той квартире, была фотография.

Студийная – на голубом фоне.

Мама, папа и трое детей улыбались на камеру.

Мирза Лилай, Диеллза Лилай, Элиот и Юлия Лилай зарегистрированы под резервными номерами: – 2003–369380, 2003–369381, 2003–369382, 2003–369383. На сегодняшний день это единственный способ их идентификации.

Бункер – вот наиболее подходящее слово для того, что он устроил в подвале особняка в Эстермальме. Этот первый в стране safe house², который Гренс успел создать, пока руководил программой по защите свидетелей при полицейском управлении, так и остался единственным. Вскоре средства на развитие проекта были заморожены или перенаправлены на другие нужды, и программа перестала существовать. Но бункер остался. Оборудованный под гостиничный комплекс – с кухонным углом, кроватями, телевизором и книгами на полках. Мог ли Гренс предположить, что первым его жильцом будет ребенок, в жизни не ездивший на велосипеде и не имевший родственников.

Осмотр места преступления позволяет сделать следующее заключение:

Накануне смерти Мирза Лилай, Диеллза Лилай, Элиот Лилай и Юлия Лилай получили огнестрельные ранения в голову, а именно в места, обозначенные в протоколе соответственно как Вход 1, Вход 2, Вход 3, Вход 4, Вход 5, Вход 6, Вход 7, Вход 8.

Наверное, именно поэтому столь детально распланированная программа изначально работала не так, как было задумано. Ведь Гренс рассчитывал на взрослых свидетелей, которых будут прятать здесь от злоумышленников до суда, а потом препроводят на жительство в какую-нибудь отдаленную коммуны в глубине страны, – с новыми документами, новым персональным номером, новым именем и новым прошлым.

...пулевые отверстия появились, по всей видимости, за двое суток до экспертизы.

Это Гренс, в содружестве с разными учреждениями и организациями, разработал процедуру получения новых свидетельств, дипломов и аттестатов, а также инструкций, где предписывалось за все услуги расплачиваться только наличными и не чаще одного раза в две недели. Так важно было не оставлять за собой следов в мире, где любая транзакция прослеживается как на ладони и любую информацию можно купить.

Были там и подробные рекомендации по поводу корректировки записей в приходских книгах, спортивных сертификатах и документах о посещении дошкольных учреждений.

...и по всей видимости, были причинены сторонним лицом или несколькими лицами.

Эверт Гренс захлопнул синюю папку и легким толчком послал в противоположный угол письменного стола. В этих бумагах, прямо или косвенно, говорилось о маленькой осиротевшей девочке. В другой папке, зеленой, хранились сведения о том, что произошло потом и не имело непосредственного отношения ни к месту преступления, ни к ранениям, ни к выстрелам.

О жизни по ту сторону смерти.

Гренс поднялся и зашагал по комнате, крепко сжимая папку.

Собственно, почему она выжила? Чего ради они ей это позволили? Пожалели? Спрятали? Или она спряталась сама? Лежала и слушала, как единственно близкие ей люди умирали один за другим. Можно себе представить, как она боялась выдать себя, как затаила дыхание, потому что знала, что и с ней будет то же, если ее обнаружат.

Когда-то Гренс уже пытался все это выяснить, но безуспешно. Сама она так и не смогла ничего более-менее внятно объяснить.

И вот теперь он знал еще меньше.

² Убежище (англ.).

Гренс по привычке выглянул во внутренний двор. Солнце переместилось, и часть дорожек с парковыми скамьями лежала в тени, но жара держалась. Он высунул голову в открытое окно, облокотился о подоконник. Тридцать градусов – и ни ветерка. Гренс подумал о предстоящей ночи и двадцати двух градусах, согласно Шведскому институту метеорологии. Чем не тропики?

Итак, зеленая папка.

Гренс взвесил ее в руке – не особенно тяжелая, как и следовало ожидать.

Регистрационная запись с ее новым именем, новым персональным номером и новой биографией. Фотодокументация, подтверждающая корректировку внешности. Ее новый адрес, контактные данные опекуна. Ее новая жизнь.

Эверт Гренс отошел от окна, так и не дождавшись прохлады, и вернулся на вельветовый диван. На зеленом поле – прямоугольное окошечко.

Программа по защите свидетелей.

Он открыл папку и застыл на месте.

Пустой белый лист формата А4, еще один. Вся документация состояла из незаполненных белых страниц.

Папка из охраняемого полицейского архива, в меру толстая – как и должно быть. Именно такой она ощущалась на взгляд, на вес, на ощупь.

Но то, что когда-то в ней было, исчезло. Ее дальнейшая жизнь – кому она понадобилась? И теперь вместо всего этого – пустота.

Чистые страницы.

Совсем как пробелы в его памяти.

Эверт Гренс помнил проклятый запах и вес ее тела, но только не то, как ее звали.

Он помнил, что думал о ней, когда сидел на кровати в ее новом убежище, а она спала.

И выглядела как цветок со спутанными волосами.

Но сейчас его память была как чистый лист, – совсем как ее тогда.

«Кто еще пришел?»

«Куда пришел?»

«На твой день рождения».

Он вел допрос осторожно. Постепенно, изо дня в день, углублялся в ее прошлое. Но ни выстрелов, ни убийц, ни нападения там так и не обнаружил. Она даже не понимала, что ее родных больше нет. Вытеснение – так это называют психологи. Игра вытеснила страшную душевную травму, и это помогло ребенку выжить.

«У тебя был день рождения, так? Пять лет. И был замечательный торт. Кто пришел поздравить тебя?»

«Мама, папа, Юлия и Элиот».

«А еще?»

«Больше никого».

«А мне кажется, что кто-то еще все-таки был».

«Нет».

«Может, их было даже больше, двое или трое. И их никто не приглашал».

«Никого больше».

«Ну, а если...»

«Кукла. В красной блестящей куртке и белых туфлях. Эверт, дай ее мне. Возьми себе другую, в синих сапогах. Потом мы сидели перед кукольным домиком. Давай теперь ты поселишься на втором этаже, а я на первом».

Она захлопнула эту дверь навсегда. Начала отсчет с нуля. Перед тем как месяц спустя исчезнуть из его жизни, шепнула, что ей тридцать два дня и пять лет. Как будто одно было отделено от другого какой-то непроницаемой гранью.

Гренс помнил и то, как они довели его до бешенства.

Это было одно из немногих дел, когда он был вынужден бросить расследование, хотя наверняка знал, кто убийца.

Свинья, которую он бросил в камеру предварительного заключения в Крунуберге на дозволенные законом семьдесят два часа, – как инспектор полиции, он мог не особенно утруждать себя доказательствами. И вот эта чертова преступная свинья открыто смеялась им в лицо на допросах или молчала, уставившись в пол, игнорируя их вопросы и комментарии, в то время как Гренс и его коллеги извивались, как ужи на раскаленной сковородке, – часики-то тикали. Гренс знал имя этого животного – от его подельников. Король Золтан, которого боялись все. Его отпустили, – не разжившись за трое суток ни свидетелями, ни вещественными доказательствами. Из участка Король Золтан напрямик направился в Арланду, откуда отбыл за границу ближайшим удобным для него рейсом, чтобы никогда больше не возвращаться.

Маленькая безымянная девочка видела убийцу, в этом Гренс не сомневался. Свидетельница была в шоке – но ведь когда-нибудь потом могла и вспомнить. Криминалисты обнаружили ее мочу и волосы в одном из гардеробов, это подтвердил анализ ДНК. Там она затаилась. Описалась. Из-за приоткрытой дверцы гардероба девочка могла наблюдать как минимум два убийства.

Эверт Гренс снова подошел к открытому окну.

Высунулся, опершись на подоконник, и закричал, как безумный.

Потому что вдруг осознал, что все это значит.

Некто забрал документацию из охраняемого полицейского архива, прочитал первую папку с бумагами предварительного расследования и понял, что остался свидетель. После чего взял вторую папку, с материалами об укрытии, ее новым именем, идентификационным номером, адресом и контактными данными семьи, в которую она попала. И потом этот некто заменил эти бумаги чистыми страницами, чтобы никто ничего не заметил, потому что снаружи папка и в самом деле не выглядела подозрительной.

Тем самым некто получил возможность довершить начатое – уничтожить последнего оставшегося в живых члена семьи и окончательно замести следы.

Гренс закричал снова – в духоту внутреннего двора.

Маленькой девочке, которая стала большой, угрожала смертельная опасность.

Если, конечно, она вообще была еще жива.

Часть вторая

Место в южной части Стокгольма было выбрано идеально. Тупик и сонные пятиэтажки постройки сороковых годов. Квартиросъемщики – среднестатистические шведы, у которых все – доход, образование, продолжительность жизни, не говоря о численном соотношении в семье пожилых и молодых членов, – было среднестатистическим. Одни родились в Швеции, других занесло сюда позже.

В тот день маршрут Пита Хоффмана пролегал против часовой стрелки по окружности радиусом около двухсот метров, составлявшей своего рода защитную оболочку его территории. На этом участке Пит контролировал около восемнадцати камер наблюдения – на подъездах, гаражах, фонарных столбах, крышах домов. Все они были снабжены двигательными датчиками, чтобы ни одна живая душа, будь то середь бела дня или ночью, не проскользнула, не будучи пойманной в глазок объектива.

Пит пробивал номера машин, которые попадались ему на глаза, по базам транспортных средств и населения, в особых случаях по секретным базам полиции, доступ к которым все еще мог купить. Сличал картину вчерашнего дня, существовавшую лишь в его памяти, – со всеми официальными и неофициальными маршрутами и траекториями перемещения всех и каждого, – с тем, что видел сегодня. Ничто не вызывало у него подозрений, не указывало на возможную опасность. Приблизившись к подъезду единственной в микрорайоне многоэтажки, поправил камеру № 14, отвернув слегка влево. Штаб-квартира располагалась на восьмом этаже – «однушка» с кухонным углом, этого хватало.

– Это я. Все в порядке?

Он стоял в прихожей и смотрел на охранника в окружении множества мерцающих экранов. Парень попеременно кликал то на одну, то на другую камеру, прокручивал отснятый материал, внимательно отслеживая подозрительные моменты.

– Все в норме, босс.

Окно выходило в тупиковый переулок. Пит отвел рукой гардину, чтобы бросить последний взгляд на свои владения. Сначала – на квартиру на втором этаже, с белыми гардинами и тусклой настольной лампой между цветочными горшками на подоконнике. Убежище второго класса. Там поселилась женщина сорока с небольшим, не предоставившая никаких персональных данных, кроме резервного номера. Если отвести гардину еще чуть-чуть, можно увидеть следующий подъезд: окно с красными занавесками поверху и сверкающими свечными гирляндами по бокам – убежище третьего класса для тридцатилетнего мужчины, в которого стреляли собственные братья. А еще через два подъезда, – теперь Пит раздернул гардину почти полностью, – за светлыми занавесками и пышными складками тюля, вот уже несколько месяцев как жила одна немолодая пара. Оба выступали свидетелями в судебном процессе против довольно рыхло организованной, но крайне жестокой подростковой банды из западных пригородов.

И за проживание каждого три никак не связанные между собой коммуны платили по шестнадцать тысяч крон в сутки. Разумеется, в эту сумму входила и профессиональная охрана – опытные секьюрити, круглые сутки дежурившие в штаб-квартире, оснащение по последнему слову техники, оружие – все это, конечно, стоило денег. Каждое убежище Пит оборудовал лично, и то, что все их можно было обозреть вот так, из одного окна, само по себе тоже было неплохой бизнес-идеей охранной фирмы «Хоффман-секьюрити АВ».

– Привет, дорогая.

От этих пятиэтажек в одном из старых районов Багармоссена было рукой подать до дома, но Пит и сам не заметил, как на пути из лифта к машине зачем-то достал мобильник и набрал ее номер.

– Привет, дорогой.

У них все было лучше, чем когда-либо, включая первые месяцы знакомства.

Пит вернулся в Швецию, к прежней жизни. С той только разницей, что больше не лгал Зофии, не внедрялся в банды по заданию шведской полиции, не рисковал каждый день и час жизнями близких, не говоря о собственной. И работал, слава богу, все на том же охранном предприятии. Только теперь это не было прикрытием его настоящей, секретной деятельности, а самой обычной работой, позволявшей использовать накопленный опыт и получать неплохой доход.

– Зофия?

– Да?

– Я это... Беспокоюсь.

– У тебя нет никаких причин для этого.

– Я знаю, но ничего не могу с собой поделать. Это не отпускает, понимаешь?.. Только представлю себе, как она...

– Пит, послушай меня. *Она. Совершенно. Здорова.*

И это был Пит, давным-давно решивший для себя, что беспокойство бессмысленно и контрпродуктивно. Пит, который привык просчитывать каждый шаг, быть более подготовленным и информированным, чем те, кто за ним охотился, и до сих пор выживал только за счет этого. И вот теперь шестимесячного обследования в родильном отделении оказалось достаточно, чтобы все рухнуло. Чтобы волнение, иррациональное и бессмысленное, захватило его целиком и полностью.

– Она умеет переворачиваться с живота на спину и обратно. Даже садится сама, и ни я, ни медсестры ей не помогаем. Постоянно в движении и может сама найти потерянную игрушку. А потом держит ее обеими руками. Она правда это может, Пит.

Младшая дочь. Мысли снова и снова возвращали Пита в больничную палату, где он держал Зофию за руку, пока в ее теле пульсировала боль.

Обычная человеческая жизнь, Пит, ты же обещал больше не внедряться в банды. Покончено с вечным бегством, хаосом, смертями.

Стоило только вспомнить, как она ему все это описывала.

Еще один ребенок – так тогда решило мое тело. Мы с тобой так долго пытались, и ничего не получалось. Я не могла забеременеть.

Возраст, конечно... но здесь нет никакой проблемы, успокойся. Мы больше никогда не будем жить как раньше. С этим покончено, Пит. И ребенок, – я понимаю, как это звучит, и все-таки, – ребенок станет залогом того, что у нас все изменилось. Он – твое воплощенное обещание. И наша новая жизнь.

– Ты ведь никогда не волновался ни за Хюго, ни за Расмуса.

– Я знаю, Зофия.

– А она намного живее, сильнее, напористее каждого из них.

– И это я знаю тоже.

При этом его постоянно подтачивала мысль, что доктора чего-то не замечают. Как будто он понимал в этом больше их. И дело было даже не в том, что речь шла о девочке, причем младшей. Проблема заключалась в самом Пите, который вдруг осознал, насколько в жизни все ненадежно.

Куда проще было, когда он лгал, – так долго, что забыл, что такое правда. Он сам отодвинул границу и совсем не был уверен, что когда-нибудь сможет снова отличить реальность от собственного вымысла. Вспомнить, кто он есть на самом деле.

– Увидимся вечером.

– Поцелуй ее от меня.

– Она тоже тебя целует.

Вся дорога занимает десять минут. Виллы в Эншеде окружены садами, у некоторых ворот по нескольку машин.

Они переехали сюда, когда Зофия забеременела в первый раз.

Он тормозит. Проклятая жара просачивается сквозь закрытые окна. Тридцать градусов и влажность на пределе – как необычно для этой страны в июне. И бесполезно утирать лоб и щеки рукавом рубашки, таким же мокрым. Пит паркуется у ржавых ворот и еще несколько минут остается в машине.

Сейчас лучшее время суток. Стоит чуть потянуться на водительском сиденье, и за колючей оградой мелькнет фигура Хюго. Он играет в футбол с обоими соседскими мальчиками – щеки красные, коленки зеленые от травы. А за окном на кухне угадывается голова Расмуса, который играет со своими пластмассовыми человечками.

Пит Хоффман вдыхает горячий, влажный воздух.

Случались, конечно, и минуты сомнения.

Иногда так и тянуло хоть чуть приоткрыть дверь в прежнюю жизнь. Просунуть нос, почувствовать это снова, – адреналин в крови и бешеные удары сердца, нагнетающие агрессию.

Прошлое от него не отступило. Не раз поздно вечером, когда мальчики уже спали, Пит признавался Зофии на диване, как ему хотелось бы попробовать еще разок. И не ради денег – ради адреналина. Ради страсти, острых ощущений, жизни... Пит выступал посредником – нередко это было единственное, чего от него хотели заказчики. Поручителем за обе стороны. Последняя сделка – между фирмой по производству синтетического амфетамина в южной Словении и шведской криминальной сетью. Его задачей было привести стороны к согласию и обеспечить охрану в первом рейсе. Самым трудным оказалось объяснить Зофии, каких переживаний стоили ему эти переговоры. Как шли на уступки эти мелочные торгаши, а потом вдруг отказывались от всего, только потому, что другая сторона не показала себя достаточно ловкой. Столько азарта и отчаяния!

Но каждый раз, когда Пит возвращался домой, как сейчас, и встречал взгляды Расмуса и Хюго, он убеждался в правильности принятого решения.

А теперь вот еще и Луиза, и ее взгляд – не менее пристальный и твердый.

Как будто убеждающий его в том, что она может найти потерянную игрушку.

Пит понимал, что, если дело дойдет до суда, не миновать длительного тюремного срока. И тогда мальчики будут взрослеть без него, и он не увидит, как малышка впервые пойдет в школу.

Отныне и навсегда – никаких заданий, никакого оружия, никаких смертей.

Только это.

Семья, дом.

Здесь теперь его жизнь.

– Привет.

Пит Хоффман открывает входную дверь. Еще каких-нибудь два-три года назад Расмус бежал к нему со всех ног и бросался в объятия. Теперь же младший так погружен в игру, что даже не отвечает.

– Парень, эй! Я пришел.

– Я на кухне, папа.

Зеркало в прихожей будто смотрит на него. Пит оборачивается – ну, конечно. Она заткнута за раму. Записка без единого слова, только красное сердце посередине листка.

И Пит вот уже в который раз чувствует жар в теле. Очередной сюрприз от Зофии, какие он вот уже много лет находит в самых неожиданных местах – то под подушкой, то в дорожной сумке, которую распаковывает в отеле, даже в холодильнике под пачкой сливочного масла.

Было время, когда его пугали подобные послания, потому что слишком много требовали взамен. Но теперь Пит их ждет, высматривает и расстраивается, если не находит.

Его так трогают эти скромные свидетельства их любви.

Его и Зофии.

Расмус на своем месте. Эту сторону кухонного стола он занимает везде, куда бы ни забросила семью беспокойная жизнь папы.

Восьмилетний мальчик вскидывает голову на звук приближающихся из прихожей шагов и тут же возвращается к игре. В его руке фигурка с круглым животом, в красной шляпе, с синими ногами и желтыми руками.

– Привет, сын.

– Привет, папа.

– Чем занимаешься?

– Играю.

– Это я вижу. Во что играешь?

– У меня новый человечек.

– Вот оно что. И...

– Ты все равно не поймешь, папа.

Хоффман смотрит на фигурку в красной шляпе с синими ногами, которая прыгает на другую, лежащую на кухонном столе, и делает сальто-мортале под невнятное бормотание кукловода. Сын прав. Он действительно никогда этого не поймет.

– Это Мистер Картофельная Голова.

– Что?

– Это другой человечек, папа, там, на полке. Но этот так на него похож... Мистер Картофельная Голова. У меня никогда такого не было. Круто, правда?

– Ужасно круто.

Мука в шкафчике на полке, солонка под ней. Яйца, молоко, масло в холодильнике. Блины?

Беспроегрышный вариант.

– Голоден, Расмус?

– Если испечешь то печенье в вафельнице. Я люблю печенье в клетку.

Значит, вафельница. Печенье в клетку. Это у него с прошлого года.

Хоффман все еще не понимает, как дошел до такой жизни, но если ребенку нужно печенье, то оно будет. Он достает вафельницу из нижнего ящика, открывает окно и кричит:

– Хюго!

В ответ слышит глухой звук – удар по мячу по ту сторону колючей ограды, а потом ликующий крик.

– Да, папа?

– Ты голоден, как насчет печенья?

– В клетку?

– Да.

– Тогда голоден.

Пит Хоффман хочет закрыть окно, но медлит, снова высовывается и кричит:

– А остальные? Они тоже голодны?

Еще двое членов импровизированной команды, а может, и соперники, тоже хотят печенье в клетку, и Хоффман добавляет больше муки.

– Накроешь, Расмус?

– Ммм...

Младший не слышит. Новый человечек так и прыгает по столу, направляемый его рукой.

И каждый раз новые человечки. Пит никогда не забывал о них. Последние два года, когда работал в Западной Африке и наезжал домой раз в квартал, обязательно покупал, будь то на

борту самолета или в магазинах такс-фри в аэропортах, что-нибудь новенькое на эту тему. Новый рейс домой – новая серия человечков.

– О'кей, Расмус. Тогда накрываю я. Если приберешь свои вещи.

– Сейчас, папа.

– Не сейчас, а немедленно.

– Только сбегая в туалет и все уберу.

Расмус идет, а потом бежит, как и всегда, когда ненадолго отрывается от игры и возвращается к действительности – поскорее все сделать и обратно. Хоффман улыбается. Здорово все-таки быть ребенком и знать, что о реальной жизни позаботится кто-то другой. Так и не дождавшись сына из туалета, Пит достает из шкафа пять тарелок и столько же бокалов для сока и перемещает фигурки с кухонного стола на табуретку возле плиты. И именно в тот момент, когда он поднимает нового человечка – того самого Мистера Картофельная Голова, который умеет так высоко прыгать, – чувствует укол в груди. Давно такого не было. Этот укол где-то в области сердца – предупреждение об опасности, прежде чем он успевает что-либо понять.

Пит останавливается, взвешивает фигурку на ладони.

Она не пластмассовая, во всяком случае не целиком.

Триста граммов по меньшей мере – он несколько раз поднимает и опускает руку.

Потом присматривается к человечку внимательнее.

Совершенно невозможно, тем не менее именно так.

Панический страх волной пробегает по телу.

И это совсем не тот адреналин, по которому тосковал Пит.

Потому что на его ладони лежит маленькая ручная граната.

Тротиловое ядро плюс стальные шарики, чтобы наверняка уничтожить все живое в радиусе нескольких метров.

Только что, за этим кухонным столом, его младший сын играл со смертью, замаскированной под игрушку.

Пит взбешен.

Почти до безумия.

И напуган.

Сын, который доверяет ему, как и всему миру, буквально в двух шагах играл со смертью. В стране детских фантазий, которая есть сама безопасность.

С ручной гранатой, замаскированной под человечка.

Пит Хоффман снова взвешивает ее в руке. Проводит пальцем по твердой поверхности, выступу на тыльной стороне. Маленький, чуть вытянутый шарик в металлической оболочке, взрывная часть спрятана внутри. Пружинный механизм приводится в движение опусканием скобы после снятия с предохранителя. Далее боек бьет по капсулю, и огонь в запальной трубке мгновенно достигает детонатора, оставляя всем находящимся поблизости четыре-пять, иногда и три секунды жизни.

Ярость и страх.

Два таких разных обозначения одного и того же состояния.

Все-таки насколько проще все было раньше, когда он всегда делал выбор в пользу ярости. И страх, если тот просачивался на поверхность, тоже умел трансформировать в агрессию. В школе и позже, в колонии для несовершеннолетних, психологи называли это низким импульс-контролем. И объясняли, что именно поэтому Пит и предпочитал насилие. Но дело было совсем не в этом. Просто насилие действительно очень эффективный инструмент, если только уметь им пользоваться.

А Пит умел подчинить насилие своей власти, это получалось у него как нечто само собой разумеющееся.

До тех пор, пока не появились Зофия и дети. А потом любовь, правда и доверие сделали жизнь намного сложнее и впустили в нее страх.

Страх потерять тех, кто значил для Пита намного больше его собственной персоны.

Он услышал журчание – это Расмус спустил в туалете воду.

Пит Хоффман взвесил игрушку на ладони, опустил руку – ниже, еще ниже.

До сих пор время от времени ему предлагали купить нечто подобное. Ручные гранаты – ходовой товар на подпольных рынках, где у Пита сохранилось много старых контактов.

Так же, как ушей и глаз, которым Пит платил, чтобы оставаться в курсе всего, потому что информация на рынке услуг безопасности быстро устаревала. Поэтому Пит не стал обрывать последние нити между ним и той жизнью, частью которой он больше не был, но по которой так тосковал.

Вот завыл сливной бачок в туалете. Расмус, как всегда, повернул кран до упора, что ему категорически запрещалось делать. Поэтому и шум был словно при тропическом ливне, а теперь стало так тихо.

Одно время ручные гранаты такого типа Пит хранил на этой самой кухне, в коробках по десять штук, после того как контрабандой перевез через границу. Предназначенные для войны, они стали идеальным вариантом для вооружавшихся преступных группировок. Особенно для молодых людей из пригородов, которым вечно не хватало денег, не говоря об умении обращаться с оружием, которые так хотели казаться взрослыми и при этом не имели ни малейшего желания отвечать за последствия своих действий.

А гранаты, в отличие от «стволов», не требовали особых навыков, стоили гроши и главное – делали все как будто сами, с минимальным участием человека. Парень просто подъезжал к окну, на которое ему указали те, чьего доверия он так добивался, бросал гранату, насколько мог далеко вглубь квартиры, и прыгал на мопед, не дожидаясь, когда бабахнет. Он не видел, как отрывало руки и ноги тем, кто оказался поблизости.

Раздался щелчок – это Расмус опустил и поднял ручку на двери туалета. А потом маленькие ноги снова засеменили в направлении кухни. К тому, что, по убеждению Расмуса, все еще было его игрушкой.

– Папа, ты...

– Иди сюда, Расмус, сядь.

– ...ты что наделал, папа! Ты сломал моего нового человечка?

Пит Хоффман выдвинул стул и сел сам.

– Слушай сюда, парень...

Но Расмус не слушал. Он растерянно смотрел на стол с разбросанными по нему разноцветными останками – шляпа, рука, нога...

Мальчик заплакал – крупными, круглыми слезами, которые так и побежали по щекам.

– Но он... Он был мой! Я не понимаю, папа. Зачем ты...

Хоффман дал себе слово никогда в жизни не поднимать руки на детей. Поэтому ни один из них до сих пор ни разу не пытался его ударить. Этот случай был первый, – маленький кулачок взметнулся в воздух.

Удар пришелся в грудь.

Пит Хоффман ожидал продолжения. Он поймал руку Расмуса и прижал к тому месту, куда тот метил. А потом прижал его самого – не сильно, только для того, чтобы сбавить напряжение.

– Прости.

– Ничего.

– Прости, папа. Но я все равно не понимаю... Зачем? Что ты наделал, папа?

Расмус снова заплакал, но по-другому. На этот раз в слезах не было ни злобы, ни отчаяния. Только бесконечная грусть.

- Мне жаль, Расмус, но ты больше не будешь с ним играть.
- Но я так хочу этого... Ведь он мой.
- Теперь он мой, отныне и навсегда. Я его забираю. Но для начала ты должен помочь мне, Расмус. Расскажи, откуда он у тебя? Кто тебе его дал?
- Расмус слегка отстранился, чтобы видеть глаза отца.
- Ты такой злой.
- Нет, я не злой.
- Я же вижу. И слышу. У тебя такой голос, папа... А ведь я ничего не сделал. Это страх.
- Это его услышал младший сын.
- И перепутал с яростью.
- Ну, если я и злой, то совсем чуть-чуть. И совсем не на тебя, Расмус.
- А на кого?
- Это я и хочу выяснить с твоей помощью.
- Расмус закурился, высвобождаясь из отцовских объятий, и Пит выпустил его.
- Ну, хорошо. Я тебе помогу. Но все равно ты сделал неправильно, папа.
- Неправильно?
- Этот человек мой. Потому что на конверте было написано мое имя, а не твое.
- О чем ты говоришь, Расмус? На каком конверте?
- На том, который лежал в почтовом ящике.
- В каком почтовом ящике?
- Да в нашем же.
- Расмус подошел к окну и показал в сторону ворот и черного, с белыми буквами, почтового ящика. Их вывел Хюго, сразу как только научился писать двойную фамилию родителей: КОСЛОВ-ХОФФМАН
- Я всегда проверяю его, когда прихожу из школы. И раньше мне никогда никто ничего не присылал, только вам. В первый раз там лежало что-то и для меня. Человек – и на конверте было написано: «Для Расмуса и Хюго». Но Хюго уже давно не играет в человечков, поэтому он мой... Был... мой.
- То есть... – Пит Хоффман встал рядом с сыном и тоже посмотрел в сторону ворот. – Он лежал в конверте?
- Да?
- Как?
- Что «как»?
- Расмус, ты должен мне помочь... Как он там лежал?
- Но я же сказал – в почтовом ящике, в конверте... Как и все то, что нам присылают. Ты этого не знал, папа?
- Пит Хоффман провел рукой по щекам и подбородку сына, обхватил ладонями его голову и держал так, как самую драгоценную вещь на свете.
- Я пойду к ящику, хочу сам взглянуть. Вспомни еще раз, Расмус, как все это выглядело, когда ты вернулся домой и открыл почтовый ящик? Прежде чем ты вытащил оттуда то, что, как ты считаешь, принадлежит тебе?
- Я не считаю. Так оно и есть.
- Расмус...
- Мальчик вздохнул – не слишком громко, скорее театрально. Как делал это всегда, когда был вынужден объяснять очевидные вещи. Хоффман любил этот его вздох, выдававший в младшем рассудительного чело- века.
- Обычная почта... В основном рекламные буклеты.
- И?

– Я все просмотрел. Кое-что было и для вас, тебя и мамы. А сбоку открытый конверт, коричневый... И...

– Открытый, Расмус?

– Как будто в него кто-то уже заглянул. Или не заклеили толком. Я сразу увидел человека, но сначала прочитал надписи на конверте. Там было мое имя и Хюго, поэтому я взял человека себе.

– И больше там ничего не лежало? Ну... рядом, я имею в виду.

– Ты меня не слушаешь, папа. Я же сказал – о-очень много всего. Вы же все время получаете письма и много чего другого, и я тоже буду получать, когда заведу свой почтовый ящик, и...

– Я имел в виду, в конверте больше ничего не было?

– Кроме человека?

– Кроме человека.

Расмус задумался, он пытался. Откуда он мог знать тогда, что потом это придется вспоминать? А Хоффман силился совладать с бушевавшей в нем бурей. Главное – не показать ребенку, как он взбешен... Или напуган. Или и то и другое вместе.

– Я... Не знаю.

– Может, записка? Письмо? Рядом с игрушкой ничего такого не было?

– Я же сказал, что не знаю.

– Расмус...

– Я взял только человека, больше мне ничего не было нужно.

Держа гранату в руке, Пит Хоффман зашагал по квадратной плитке садовой дорожки. Один, без Расмуса. При том что никакой необходимости в этом не было, это Хоффман уже понял. Приглядевшись к игрушке внимательнее, он увидел, что из взрывной части удалено нечто очень важное. Тот, кто замаскировал гранату под человека, хотел лишь припугнуть Пита, не более. Чтобы граната могла сработать, нужно было вывинтить предохранитель и боек, вернуть на место запальник, которого там не было, а потом снова все собрать. Только тогда это будет граната, а не нашпигованная тротилом игрушка.

Напугать – такова их цель.

Перед использованием выньте запальник – сколько раз он сам проделывал нечто подобное? – чтобы предупредить того, кто должен платить, или молчать, или посторониться на рынке сбыта наркотиков.

Хоффман сжал в руке чуть вытянутый металлический шарик.

Итак, это предупреждение.

Но о чем?

Ворота заскрипели, и Пит подошел к прикрепленному к ограде почтовому ящику. Они вешали его вместе с четырехлетним Хюго, который снова и снова перечитывал собственноручно начертанные белые буквы – для себя, папы, для всех, кто случайно проходил мимо и, немного поворчав, останавливался послушать. А Хюго так и сиял от гордости.

Наверное, Питу следовало бы уделить больше внимания безопасности собственных владений.

С другой стороны, это была та самая реакция, на которую рассчитывал тот, кто положил это в почтовый ящик. Он дал Питу возможность подготовиться.

Хоффман приподнял крышку, заглянул вовнутрь.

Вот оно – то, о чем Расмус с таким трудом пытался вспомнить. Четыре письма. Бесплатные газеты. Кипа рекламных листовок и брошюр.

– И под всем этим – распечатанный коричневый конверт.

Хоффман вытащил рекламные бумаги и газеты, четыре письма – из Стокгольма, налоговой службы, местной электроэнергетической компании и магазина «Икеа». Теперь в ящике

оставался только коричневый конверт. Выходя из дома, Хоффман отыскал на шляпной полке зимние перчатки, которые теперь натянул на руки. Пальцы в них стали неуклюжими, зато на конверте не останется отпечатков.

«Расмусу и Хюго» — гласила надпись на лицевой стороне.

Именно так, как говорил Расмус.

Хоффман перевернул конверт – ни штемпеля, ни марки.

Заглянул вовнутрь, отодвинув край защищенными перчаткой пальцами.

И все-таки там что-то было – записка. Машинный шрифт, такой же, как и на лицевой стороне конверта.

Пит осторожно развернул листок. Послание состояло из пяти коротких слов:

Мы знаем, кто ты есть.

Ему не только удалось поспать между двумя и тремя часами, но и вздремнуть где-то около пяти. Ночь выдалась долгая. Он-то надеялся, что с этим покончено навсегда, и вот – пожалуйста. До утра пролежал в полной боевой готовности. Человек, сократившийся до инстинкта, – вечно начеку.

После случая с ручной гранатой на кухонном столе и запиской в почтовом ящике Пит Хоффман посвятил остаток вечера осмотру дома, сада и окрестностей. И не нашел ничего, что могло бы указывать на опасность.

Одновременно он поднимал старые контакты, наработанные за годы жизни в криминальном мире. Задавал вопросы тем, кто мог что-нибудь знать и при этом сам не был частью угрозы. Ответов Хоффман так и не получил.

Далее Пит занимался Зофией, как и всегда, как только она возвращалась домой, и Луизой, благополучно сдавшей анализы после шестимесячного обследования в больнице. Слушал английский Хюго, даже впервые познакомился с пьесой, в которой играл Расмус. Читал вслух мальчикам, пока те не уснули.

И ни слова о страхе и ярости, сжигавших его изнутри.

Когда потом они сидели на диване с бокалами вина, Зофия посмотрела на него так, как умела одна она. И Пит не придумал ничего лучше, кроме как наплести какую-то чушь про то, как они с Расмусом повздорили из-за игрушки, о чем потом, как всегда в таких случаях, оба пожалели. И это после того, как Пит поклялся себе никогда больше ей не лгать.

Но Зофия видела мужа насквозь, и он это знал.

– Я не хочу, папа.

Хюго десять лет, но он давно подросток – большой и маленький, понятный и загадочный, робкий, стеснительный и в то же время уверенный в себе. Сейчас он лежал, натянув на голову одеяло, и всем своим видом демонстрировал нежелание вставать.

– Ты должен, Хюго.

– Ничего я такого не должен. Я всегда остаюсь дома, если уроки не с утра. И сплю, сколько хочу.

– Только не сегодня, Хюго. Сегодня вы с Расмусом поедете ко мне на работу, а после обеда я отвезу вас в школу.

– Но почему?

– Этого я тебе объяснить не могу. Так надо – и все.

– А мама знает?

– Мама уже ушла. С Луизой. Что-то такое в родительской группе... Они вернутся только вечером. Сегодня я не оставлю вас дома одних. Одевайся и спускайся в прихожую, даю тебе десять минут.

Пит приподнял одеяло, поцеловал старшего сына в лоб и спустился по лестнице в подвал.
Так хотелось закричать.

Нет! Мама ничего не знает! Потому что это мое прошлое, и она не должна быть его частью.

Зофия работала в той же школе, где учились мальчишки, пока не ушла в декретный отпуск. Испанский, французский и польский, когда это было кому-нибудь нужно. Он открыл дверь своего подвального кабинета, и листок с большим красным сердцем медленно спланировал на пол. Пит поднял его, поцеловал, как только что лоб Хюго, и, не разворачивая, сунул в нагрудный карман рубашки – поближе к настоящему сердцу.

В кабинете были письменный стол со стулом и довольно просторная гардеробная в углу, куда Пит и проследовал. Полку с боеприпасами скрывали зимние пальто и висевшие без дела дорогие рубашки. Пит поискал рукой за одним из ящичков, нащупал рычаг справа и мягко потянул его вниз. Механизм приглушенно взвизгнул. Стенка гардеробной отошла в сторону, открывая пространство потайной комнаты.

В дневном свете, проникавшем через окна под потолком, Пит увидел просторное помещение с оружейным шкафом, сейфами, открытым гардеробом с бронежилетами и выстроившимися в ряд набитыми портфелями для документов. Это было все, что осталось от его предыдущей шпионской жизни и что, наверное, следовало бы выбросить в знак того, что он закрыл эту дверь раз и навсегда.

Ручные гранаты хранились на нижней полке оружейного шкафа, рядом с польскими пистолетами «Радом». Пит подержал «игрушку», обхватив пальцами, как делал это Расмус. Затем открыл один из портфелей и опустил «человечка» во внутренний карман. Так или иначе, эта штука создана для того, чтобы сеять смерть, а значит, ей не место в доме.

Управившись, Пит поднялся в прихожую, где его ждал только один из сыновей, – в полной боевой готовности, как и было велено.

– А Хюго? – спросил Расмус.

– Не знаю, подождем.

– Я не хочу ждать. Дай ключи, папа, я посижу в машине.

– Ты останешься здесь, понял? Никуда не уйдешь без меня.

Хоффман сорвался и тут же пожалел об этом, заглянув в испуганные глаза мальчика. Только не повышать голос. В их присутствии он должен держать свое беспокойство при себе.

Пит поцеловал Расмуса в лоб и побежал по лестнице на второй этаж.

– Хюго! Спускайся немедленно!

– Сначала объясни зачем.

– Ничего я тебе объяснять не должен.

– Конечно, потому что знаешь, что неправ. А если неправ, значит, дело не в нас, а в тебе.

Два маленьких мальчика, которые по вине папы всю жизнь провели в бегах. При этом сыновья вели себя по-разному. Расмус быстро принимал любую новую обстановку и так же легко возвращался к прежней, а вот Хюго требовалось привыкнуть к месту, чтобы хоть как-то собраться с мыслями. Он так и не смог освоиться в Южной Америке, и когда потом вернулся в Швецию, далеко не сразу осознал, что дома.

– На этот раз ты неправ, – возразил сыну Пит. – Речь идет как раз не обо мне.

– Тогда о ком? Почему ты не можешь оставить нас дома, как всегда?

Пит Хоффман все понимал. К этому мальчику пару раз приставляли охрану, потому что так велел папа. Иногда он подслушивал разговоры между родителями, которые думали, что Хюго спит, и, не смущаясь, поднимали темы заказных убийств и пожизненного заключения. Мальчик понимал, что ждет разоблачения шпиона, и, не получив требуемых разъяснений, мог запросто и сам выстроить логическую цепочку.

И сейчас этот мальчик был напуган, совсем как его отец.

– Мама...

– Что мама?

– Не говори ей, Хюго, ни в коем случае. С ней я все улажу сам.

Лгать детям гораздо легче. Пока не смотришь им в глаза, во всяком случае.

– Чего именно я не должен ей говорить?

– Чем меньше ты знаешь, тем больше шансов, что не проговоришься. Бери пример с Расмуса.

Молчание.

Хюго обдумывал отцовскую ложь.

И вот наконец Пит услышал, как заскрипели половицы у кровати старшего сына. А потом быстрые шаги Хюго в сторону лестницы.

– Но это такая тоска... – Хюго старался выглядеть бодрым, когда завязывал шнурки на старых кроссовках, которые никак не хотел поменять на новые. И когда снимал рюкзак с крюка у входной двери. – ...Я имел в виду, сидеть и смотреть, как ты работаешь.

Тоска.

А ведь были времена, когда мальчики интересовались, что делают мама и папа на работе – в том загадочном месте, где коротают часы в ожидании, пока их дети не наиграются с друзьями в детском саду. И тогда на каждое посещение хватало пол-литра мороженого, большого стакана «пепси» и пары-тройки серий «Винни-Пуха».

Пит положил руку на хрупкое плечо, притянул сына к себе и обнял, как не мог позволить себе на людях.

– Тоска, понимаю... Да, к сожалению, иногда бывает и так.

В машине, по дороге в офис в центре Стокгольма, Пит вспомнил одно проверенное средство против тоски. Мальчики нередко прибегали к нему, когда были младше и вместе толкались на заднем сиденье, – считали по-польски.

– Еден, два...

– Еден, два...

Пока за спиной Хоффмана откликался только один голос. Пит повернулся к старшему сыну:

– А ты, Хюго?

– Не хочу.

– Пусть Расмус один считает, пока не приедем?

Хюго молчал, и положение спас Расмус:

– Не трогай его, папа. Давай считать вдвоем. Теперь я начинаю, и каждый говорит только одно число, ладно?

– Тше.

– Чтери.

– Пьечь.

Так они дошли до ста тридцати шести – Расмус начинал, Хоффман подхватывал, а Хюго вздыхал. А потом машина припарковалась возле углового здания на Васагатан, где на третьем этаже располагался офис «Хоффман Секьюрити» с почтовым ящиком.

Хоффман отпер укрепленную входную дверь, потом решетку и набрал четыре цифры на панели управления в прихожей, чтобы выключить сигнализацию. Охранная фирма – так работала польская мафия, в которую Пит внедрил по заданию шведской полиции, да и вообще, все ветви восточноевропейской мафии. Потому что «Хоффман-секьюрити» была лишь одним из филиалов головной фирмы «Войтек-секьюрити». До тех пор пока ее владелец Пит Хоффман, год от года все больше входивший в доверие, не добрался до самого сердца преступной структуры и не развалил ее на части.

– И как долго мы здесь будем?

– Ты знаешь, Хюго.

– Я спросил, потому что ты мог передумать.

– Мой дорогой, любимый старший сын, будь добр, сядь за стол рядом с Расмусом. Посмотри телевизор, почитай, поройся в Сети, поиграй во что-нибудь. Я не передумал.

В годы скитаний Пита Хоффмана Эрик Вильсон, его куратор в стокгольмской полиции, пунктуально оплачивал аренду этой пустовавшей квартиры. Пит Хоффман и сам толком не мог понять, почему это было так важно для него. То, что заработанные или добытые каким-либо другим путем деньги шли на содержание семейного гнезда в Эншеде, казалось естественным, но этот неоправданно дорогой офис в центре города, все назначение которого с самого начала сводилось к тому, чтобы Пит имел возможность приблизиться к властному ядру польской мафии... Это потом все прояснилось, когда они вернулись в Швецию и Пит чудом избежал тюремного заключения. Тогда эта квартира стала для него единственным надежным убежищем – в то время как все остальное в жизни являло полную противоположность тому, что обычно подразумевается под словом «надежность». Только здесь жизнь казалась понятной и все вставало на свои места. Отсюда, когда пришло время, он и начал вести поиски нового жилья.

Пит зашагал по комнатам с высокими потолками, светлыми стенами. Окнами, выходящими на Нурра-Баторгет и Кунгсбрун.

Камин – в Эншеде они построили такой же, потому что так захотела Зофия. В кабинете, который располагался рядом с кухней, стоял тяжелый антикварный стол и два оружейных шкафа, того же типа, что были в подвале.

Именно здесь и началась его легальная деятельность. А ведь Пит Хоффман был уверен, что никогда не научится выживать вне криминального мира. Полдня он продавал и монтировал камеры наблюдения и сигнализации, вторую половину укреплял окна и двери в офисе. И лишь изредка по будням, а иногда и по выходным, если получалось согласовать с графиком Зофии, подрабатывал охранником там, где за это хорошо платили.

– Я хочу пить, – раздался голос Расмуса из переговорной. – Пить, папа!

– Видишь маленький холодильник в углу?

– Да.

– Загляни туда. На верхней полке найдешь то, что наверняка тебе понравится. Оранжевого цвета, начинается на «Ф», кончается на «А». Там на каждого по банке.

Входя в квартиру, Пит сознательно переступил через кучу бумаг на ковре. Теперь же, когда мальчики нашли себе занятие, вернулся к двери и подобрал все до единой. Отложил в сторону бесплатные газеты, рекламные брошюры и профессиональный журнал по индустрии безопасности, а шесть отобранных конвертов сложил в новую стопку на письменном столе.

– Я не нахожу, папа!

Снова Расмус, с отчаянием в голосе.

– Их здесь нет!

Прохладительные напитки – слишком важный вопрос, чтобы его можно было так запросто проигнорировать. Поэтому Пит Хоффман тут же поспешил в переговорную. Миновал мальчиков, которые сидели за столом как заправские менеджеры. Хюго прекратил вздыхать и погрузился в какую-то игру на Айпаде. Расмус смотрел рисованный мультфильм, который сейчас стоял на паузе.

Хоффман открыл маленький холодильник в углу и тоже ничего не увидел. Краем глаза он заметил, как за его спиной младший сын развел руками – «я же говорил, папа». Хоффман прошел на кухню. Прохладительные напитки лежали в большом холодильнике. Он взял две банки, поставил перед довольными мальчиками и вернулся к антикварному столу с кучей корреспонденции.

Семь конвертов. Пит отыскал письмо от британского поставщика бронезилов из Кевлара, которые давно ждал. В Швеции таких не купишь. Ходовой товар, не в пример лучше тех, в которых бегают местные полицейские.

Но главное письмо оказалось в самом низу, и это было то, чего Пит ожидал меньше всего. Хотя и знал после вчерашнего, что рано или поздно нечто подобное должно произойти.

Собственно, это была бандероль. В пакете на мягкой подкладке, какие продаются на почте. И адрес напечатан тем же шрифтом, что и записка, прилагавшаяся к «человечку». И снова – ни марки, ни штемпеля.

Питу Кослов-Хоффману

Значит, он проник и сюда, за его укрепленный фасад.

Но кто он? Чего хочет?

Пит бросил взгляд в сторону переговорной. Они сидели там, его любимые мальчики. Каждый в своем мире, бесконечно далекие от того, что ни в коем случае не должно было их коснуться.

Пит потрогал бандероль, надавил пальцами на пакет на мягкой подкладке – толстый. И хорошо заклеенный, не как в прошлый раз.

Внутри только бумаги. Много, а не один листок, которым была обернута ручная граната.

Пит достал из ящика перочинный нож и вскрыл пакет, который был продолжением и в то же время только началом самого кошмарного и головокружительного периода в его жизни.

Пит сразу понял, что это значит.

Документы, к которым никто не имел доступа, – оружие куда более разрушительное, чем граната или пистолет.

Из конверта на мягкой подкладке Пит извлек копии протоколов и рапортов, а также кодовые имена сотрудников, составлявших неофициальную инфильтрационную сеть шведской полиции. Все это существовало в единственном экземпляре и хранилось в сейфе у начальника отдела по сбору информации в полицейском управлении округа «Сити».

Такое казалось невозможным, но именно эти бумаги держал сейчас в руках Пит Хоффман.

Убористо исписанные страницы из черных секретных папок. Детальное описание встреч на заброшенных квартирах и в шикарных современных особняках, каждый раз по новому адресу. В первой колонке кодовое имя. Потом – дата и точное время. И далее вкратце суть информации, которой обменивались сотрудник-осведомитель и его полицейский куратор.

Питу не нужно было особенно вчитываться, чтобы понять, что те страницы, которые он держал перед глазами, были написаны рукой его личного куратора Эрика Вильсона и посвящены его, Питу Хоффмана, скромной персоне.

Речь шла о его вербовке десять лет тому назад.

Там же указывалось и его кодовое имя – Паула.

Именно так его тогда звали, – единственное имя, под которым его знали работодатели из управления. Оно же стало для него прикрытием, после того как Пит Хоффман разоблачил и выдал полиции эту жестко организованную преступную группировку.

В том же сейфе, где протоколы и рапорты, обычно хранилось и настоящее имя осведомителя. Написанное на листке бумаги, оно со дня вербовки лежало в белом конверте, запечатанном красным сургучом. В кипе бумаг на письменном столе Питу Хоффмана обнаружилась и копия этого листка – ответ на вопрос, кем на самом деле был агент Паула.

Даже это.

Пит Хоффман глубоко вдохнул и выдохнул – еще и еще раз.

Доступ постороннего лица к этой информации мог означать что угодно, в том числе и смертный приговор. Потому что мафия, как и любая другая преступная организация, очень не любит, когда в нее внедряются полицейские осведомители. В таких случаях они не пишут заявлений в суд, но действуют на свой страх и риск – немедленно и беспощадно.

Смерть.

Это так просто.

– Что ты делаешь, папа?

Хоффман вздрогнул. Он и не заметил, как Расмус прошмыгнул к нему за спину и теперь стоял, облокотившись на стол и глядя на опасные бумаги.

– А ты, Расмус? Почему не смотришь телевизор?

– Мультки закончились. И «фанта» тоже.

Хоффман поднялся и пошел к двери, осторожно подталкивая впереди себя младшего сына.

– У меня много работы, не нужно мне мешать.

– Но я хотел помочь тебе.

– Эту работу, Расмус, могу сделать только я один. Но... Может, ты хочешь еще «фанты»?

И мультки?

– Как еще? А если мама узнает?

– Если хочешь, это будет нашей с тобой маленькой тайной.

Еще одна бутылка «фанты» и новый рисованный мультфильм.

Пит взъерошил волосы на голове Расмуса, потрепал Хюго по щеке и оставил мальчиков в их выдуманном мире ради своего, который казался немногим реальнее.

Кто-то проник в сейф, куда до сих пор никому не было доступа.

Кто-то открыл запечатанный красным сургучом конверт и скопировал его настоящее имя.

Кто-то добрался до протоколов, которые вел Хоффман, будучи полицейским осведомителем в одной из самых жестоких мафиозных организаций.

Пит вдыхал и выдыхал, вдыхал и выдыхал.

Он как раз собирался вложить бумаги обратно в пакет на мягкой подкладке, когда обнаружил еще одну, в самом низу кипы и кое в чем не похожую на остальные. Это была не копия. И не секретная информация из его прошлого. Обыкновенный белый листок с двумя строчками посередине. На этот раз, правда, слов в сообщении было больше.

Мы можем в любое время убить твоих детей.

Мы можем в любое время разоблачить тебя.

Пит Хоффман сел на деревянную скамью на высоком холме, будто забытом застройщиками, стремящимися сгладить и закатать в асфальт любую неровность земли в этом месте. Отсюда прекрасно просматривался школьный двор и окна классных комнат, где занимались Расмус и Хюго.

Из офиса на Васагатан Пит отвез сыновей в муниципальную школу в одном из южных пригородов. Сюда его приглашали на родительские собрания, как на начальную, так и на среднюю ступень. Потому что Расмус учился во втором классе, а Хюго после летних каникул переходил в пятый. Такими большими были их мальчики. Такими зрелыми должны были быть и они с Зофией.

Пит оставил мальчиков возле входа. Хотел обнять на прощанье, но не получилось, – их разлучила хлынувшая во двор толпа школьников, которые на ходу объединялись в группы, сметая все на своем пути. Но Пит нигде не оставил сыновей без присмотра, так же как и Зофию с Луизой. Хуан и Ник – молодые и горячие, но проверенные ребята, которых он когда-то выз-

волил из тюрьмы. После того как Пит позвонил им однажды ночью, те следовали за его женой неотступно. Как-никак вот уже два раза за последние сутки на него выходил безликий враг, который знал, где находится семья Пита и как кого зовут, демонстрируя тем самым легкость расправы.

И опять эта мысль, как острый нож, – боль врезается в мозг и доходит до сердца.

Кто-то ведь преследует его, охотится за ним.

Но кто он и чего хочет?

Хоффману хотелось кричать.

Покажись, дьявол!

Ждать совсем недолго, сегодня у них четыре урока.

Пит не замечал вокруг ничего, что выводило бы ситуацию за рамки нормальной. Расмус с приятелями метал теннисный мяч в мишени, представлявшие собой отверстия в доске разного размера, – чем меньше отверстие, тем больше очков. Хюго на баскетбольной площадке играл в составе команды из трех человек и непрерывно прыгал. Оба выглядели счастливыми и ничем не отличались от других.

Именно это и отмечала Зофия каждый раз, когда наблюдала за детьми из окна учительской. Они выглядели нормальными. После стольких лет скитаний, изоляции в семье и отсутствия поведенческих моделей, мальчики смогли стать полноценной частью детского коллектива.

Когда прозвенел звонок, Пит подъехал к выходу. Дети пересекали школьный двор группами и много смеялись и жестикулировали, прежде чем расстаться. Хюго и Расмус задерживались на баскетбольной площадке. Они и не подозревали, что за ними неусыпно следят, и наверняка не пришли бы в восторг от этой отцовской затеи.

– Привет, папа!

– Прыгай в машину.

– Серьезно? Но я всегда возвращаюсь из школы пешком, это будет странно выглядеть.

– Хюго, делай, что говорю. Иначе привлечешь к себе еще больше внимания. Твои приятели ведь уже увидели, что я здесь.

Но его старший десятилетний сын медлил. Наконец решился, поддавшись не столько отцовским уговорам, сколько голосу здравого смысла. Забрался на заднее сиденье рядом с Расмусом и пригнулся, чтобы не слишком бросаться в глаза.

На полпути от дома начались вопросы.

– Зачем, папа?

– Сейчас я вам этого объяснить не могу.

– Сначала ты отвозишь нас в свой офис, потом оттуда в школу. А теперь еще и решил забрать нас на машине.

– Да, Хюго, просто сегодня так надо.

– А если я тебе не верю? Что-то ведь наверняка случилось, если ты вдруг озаботился нашей безопасностью.

Это был Хюго, который в прошлом году прервал их семейный завтрак, потому что почувствовал опасность, о которой, по мнению родителей, ничего не должен был знать. Хюго, который отказывался разговаривать с отцом, после того как тот внедрился в сеть торговцев людьми из Северной Африки, вместо того чтобы вернуться домой, как обещал.

Его старший сын, который знал и понимал так много.

Пит Хоффман съехал на обочину и остановил машину.

– Хюго...

На этот раз ситуация вынуждала его лгать детям в глаза.

– Хюго, я клянусь тебе – никакой опасности. Ничего не случилось. Тем не менее я прошу вас не говорить об этом маме. Я хочу сделать ей сюрприз, и вы мне в этом поможете. Именно поэтому сегодня я забираю вас из школы.

– Что за сюрприз?

– Узнаешь в свое время. Потерпи немного.

На лужайке за домом Зофия смонтировала пляжный зонт – как-никак тридцать градусов. Оба старших брата наперегонки поспешили к коляске с Луизой и налили себе по стакану сока со льдом.

Хоффман озирался и не замечал ничего подозрительного. Это было хорошо. Если он не видел Ника с Хуаном, значит, их не видела и Зофия, и те, кто мог им угрожать. Он сделал знак в воздухе, разрешая телохранителям разойтись до следующего звонка. Поцеловал жену, как всегда два раза, и тоже направился к коляске. Наконец подошла и его очередь подержать на руках Луизу.

Луиза – на этом настоял сам Хоффман. Равно как и на букве Z в ее имени – так же, как у мамы. Дочь зевала, хватая Пита за указательный палец, и казалась ему не вполне реальной. Будто он нашел ее случайно и теперь с минуты на минуту ждал, что кто-то тронет его за плечо и скажет: «Неужели ты не понимаешь, что только вообразил себе все это? Она ничто, ты держишь воздух».

Пит поцеловал дочь в лоб – два раза, как и ее маму.

Щеки такие надутые и такие нежные.

Потом осторожно коснулся пальцами носа, лба, подбородка.

– Пит, что случилось?

Зофия пристально на него смотрела, он отвел глаза.

– Я же сказал вчера – ничего.

– Но, дорогой... прекрати. Я же слышу, как ты дышишь. Скажи мне, что случилось, я все пойму.

Пит молчал. Только не здесь, не на этой лужайке. Но он молчал и потом, на кухне, и в гостиной, где она постоянно заглядывала ему в глаза, – так, чтобы не заметили мальчишки. И тогда, когда они разделись и ласкали друг друга особенно страстно, Зофия вдруг остановилась и отстранила его.

– Ничего не получится.

– Но, Зофия, почему?

– Потому что я чувствую, что что-то произошло. Когда ты не здесь, я тоже не здесь. Поговори со мной, Пит.

Только не на этот раз.

Они лежали в постели достаточно далеко друг от друга, чтобы случайно не соприкоснуться – голая кожа к голой коже.

После этого сели завтракать и сосредоточились на том, что накрывали стол, тщательно пережевывали, а потом мыли посуду. Как и до того – чистили зубы, одевались и проверяли пеленки Луизы.

Супруги распрощались чуть заметными кивками. Пит пошел отвозить мальчиков, а когда вернулся, снова кивнул жене.

Оба молчали, пока вдруг что-то не заставило их заговорить.

– Пит?

Зофия скрипнула подвальной дверью.

– Поднимайся вверх.

Он спускался в свой кабинет, точнее, в секретную комнатку с сейфом и оружейным шкафом, но тут же остановился, потому что хорошо знал этот ее голос.

– Да?

Хоффман уже поднимался по лестнице.

– Зофия, ты... – Это прозвучало слишком серьезно.

Зофия села за кухонный стол. Перед ней лежал пакет.

– Это тебе.

Не слишком большой и совсем неприметный. Если не считать знакомых букв:

Питу Кослов-Хоффману

Совсем как в тот раз – печатной машинкой, без штемпеля и обратного адреса.

Именно поэтому они так долго на него глядели, каждый со своей стороны.

– И это пришло... только что?

– Да.

– Но почту не носят так рано.

– Это курьер. Он позвонил в дверь, когда ты спускался.

Зофия смотрела на него. Ждала, что скажет.

Потому что на этот раз отвертеться было трудно.

Именно то, что сейчас лежало на столе, не давало Питу жизни вот уже сутки.

– Что там?

– Я не знаю.

– Ты знаешь, Пит.

– Нет, правда.

Наконец он сказал правду. Пит не имел ни малейшего представления о том, что может быть в этом пакете.

Он так и лежал запечатанный – как символ их обоюдного молчания. А потом подошло время утренней прогулки – под наблюдением одного Хуана, потому что Ник отправился в школу со своим братом охранять Хюго и Расмуса.

Пит дождался, пока она уйдет, выдвинул стул и сел.

Безумие подступало. Или ярость.

Он пригладил пальцами коричневый конверт.

Ощупал – что-то твердое, размером с мобильный телефон.

Пит всегда помнил об осторожности, поэтому отодвинул пакет от себя подальше.

Такое ни в коем случае нельзя открывать здесь, в доме.

Пит сорвал хрустящую упаковочную бумагу, потом защитный рифленый картон.

То, что ощущалось как мобильный телефон, именно им и оказалось.

И опять бумага с анонимными рядами букв, в которую завернут аппарат.

Завтрак с семьей – какая идиллия.

Твои мальчики любят йогурт, и лучше в стаканах, чем в тарелках.

Белый хлеб намазывают маслом и кладут на него два ломтика сыра.

И рюкзаки у них тоже красивые. Особенно красный, Расмуса, – так и сверкает.

Я видел.

Теперь ты знаешь, что мы можем тебя разоблачить.

Убить твою семью.

И мы обязательно сделаем это, если ты не выполнишь одну нашу просьбу.

Ответь, когда позвонят.

Пит Хоффман поспешил в прихожую, где в правом гардеробе лежали латексные перчатки. Выбрал пару и вернулся к столу с мобильником.

Звонок раздался в тот момент, когда Пит поднял телефон со стола.

– Доброе утро.

Они использовали искажитель голоса.

– Хорошо меня слышно? Я все-таки хотел бы, чтобы ты ответил.

Мужчина.

– Итак, еще раз – ты хорошо...

По крайней мере, очень на это похоже.

– ...меня слышишь?

Ничего больше установить было невозможно.

– Я тебя слышу, – ответил Хоффман.

– Прекрасно. Тогда буду краток.

Безупречный шведский.

– Мы знаем не только, кто ты есть, но и что ты сделал. Я имею в виду не твои выдумки, а на самом деле.

Ни намек на акцент или диалект.

– Ты вообще у нас необыкновенно способный.

И все время это выверенное, контролируемое дыхание.

– И теперь мы хотим, чтобы ты развязал небольшую войну.

Пит Хоффман, сколько себя помнил, делал ментальные снимки реальности, в которой находился. Своего рода натюрморты, которые складывал в мысленный фотоальбом, куда никто, кроме него, не имел доступа.

Наблюдения за собственным поведением в отношении окружающих. Зеркало, которое он держал перед собой, чтобы иметь возможность планировать и всегда быть наготове. Он уже не помнил, как и с чего это началось. Похоже, с тех самых пор, как Пит стал осознавать себя.

Таким жизнь вынуждала его оставаться до сих пор.

Всегда быть на шаг впереди, не давать дьяволам застать тебя врасплох.

Если они все равно это сделают, то первым это сделаю я. Если они это скажут, то первым скажу я. Речь, так или иначе, шла о том, чтобы заранее знать, какую дверь нужно открыть и что за ней будет, – качество, благодаря которому шведская полиция именно Питу поручила внедряться в преступные организации. Он выжил и, может, даже усовершенствовал умение оставаться на шаг впереди, предугадывать действия противника и следить за тем, чтобы следующий, ответный ход был лучше.

И вот теперь Пит не понимал ничего.

У него не было ни ментального натюрморта, ни зеркала.

Кто-то выследил его и его семью. Быть может, этот «кто-то» сделал это только сейчас, но Пит не имел ни малейшего понятия, кто и зачем.

Развязать войну? Что это могло бы значить?

С другой стороны, он узнавал *modus operandi*³. В свое время и Пит практиковал нечто подобное, когда нужно было запугать человека. Подтолкнуть, чтобы заставить его действовать, но не открывать сразу все карты. Взять его или ее за шиворот и направить в нужную сторону. Пока человек не начнет думать и бояться, пока не станет достаточно восприимчив для того, чтобы услышать главное – чего именно от него хотят.

Пит взглянул на часы – четверть третьего. С тех пор как он выехал из дома, успел съездить в Багармоссан и выселить пожилую пару, которая пряталась за гардинами и пышным тюлем, потому что осмелилась свидетельствовать против криминальной подростковой банды. Их убежище было передано молодой женщине, которая бежала из семьи, потому что забеременела, не будучи замужем, от мужчины другой национальности. Потом Пит направился в офис

³ Манеру действовать (*лат.*).

на Васагатан, на встречу с представителями компьютерной фирмы из Чисты – постоянными клиентами, которые хотели модернизировать системы безопасности.

Он работал на автопилоте – вот, пожалуй, наиболее подходящее слово для этого состояния. То есть Пит, конечно, заверял, улыбался и обещал, и все звучало не менее убедительно и профессионально, чем всегда. Но мыслями он был совсем в другом месте. С Зофией и Луизой. С Хьюго и Расмусом. С теми, кто угрожал ему в анонимных письмах и разговаривал с ним через искажитель голоса. Потому что представлял себе, каков будет следующий их шаг – выборочная жертва, очередной толчок в спину.

И произойдет совсем скоро.

Уже сейчас.

Потому что во внутреннем кармане Пита Хоффмана заверещал мобильник.

– Привет еще раз.

Снова искажитель голоса. И неопознанный номер на дисплее мобильного, который принес курьер, – единственная информация о звонившем.

– Итак, тебе предстоит развязать маленькую войну.

Пит Хоффман погасил свет в офисе, включил сигнализацию, вышел на лестничную площадку и быстро огляделся в поисках камеры. Недремлющее око диаметром в какую-нибудь пару сантиметров, она могла быть спрятана где угодно. Обнаружить ее здесь было так же невозможно, как и на участке вокруг дома в Эншеде или на прилегающей к нему части улицы. Пит приблизился к окну – бесполезно. Владелец голоса наверняка наблюдал за ним из более уютного места. А может, все-таки стоял у окна в доме на противоположной стороне улицы? Или прятался за одной из припаркованных у подъезда машин?

Интересно, как давно он этим занимается?

– Развязать войну? – повторил Пит в трубку. – Ты говорил об этом вчера. Будь добр, объясни, что это значит?

– Именно то, что я говорю. И ты сделаешь это один, при помощи оружия, которое называется FN BRG-15.

С каждым разом разговор получался все более странный.

Об оружии Пит Хоффман знал больше кого бы то ни было. Как-никак, он все еще был профессионалом в своей области. Но это? FN BRG-15?

Пит слышал об этом автомате, но только то, что его не существует. Его производство так и не было открыто.

– Война? – переспросил Пит. – FN BRG-15? Но это... шутка? Или вы разыгрывали меня с самого начала? Я имею в виду твои – или ваши – письма и игрушку в почтовом ящике...

FN BRG-15 – лучший из автоматов, когда-либо разработанных бельгийской компанией «Фабрик Националь», поставлявшей вооружение в том числе и шведской армии. В противотанковом бою FN BRG-15 не было равных, выпущенные из него пули пробивали броню с километровой дистанции. И вот уже после того как были пройдены все возможные испытания, выяснилось, что серийный выпуск чудо-новинки нерентабелен. Кто-то провел маркетинговые исследования или что-то в этом роде, или вообще ничего не проводил, а просто посчитал на пальцах. Так или иначе, производство FN BRG-15 вообще не было запущено.

– Ручная граната, Хоффман, с этим не шутят. Лично я не смею при виде ребенка, которого разрывает в воздухе на части. Но что, если в боковом кармане красного рюкзака спрятана еще одна игрушка? Мы могли оставить ее там пару дней назад, а твой сын до сих пор так ничего и не заметил. Неудивительно, если учесть, сколько книг он носит. Так что, Хоффман, слушай внимательно и не задавай много вопросов.

Пит понимал, что на самом деле значили эти слова.

На мгновение ему показалось, что он куда-то провалился.

Потому что угроза не была пустой.

В рюкзаке Расмуса лежала еще одна граната, которую он носил из дома в машину, из машины в школу, а из школы снова домой. И сейчас он сидел вместе с ней в классе, среди других детей.

– Черт...

– Тссс... что я тебе сказал? Слушай. Ты должен развязать небольшую гангстерскую войну и сделаешь это с помощью FN BRG-15. Сам решай, с какой группировки лучше начать. Главное, чтобы она... Как бы это поточнее выразиться... Была достаточно влиятельна в криминальном мире. Ты сам их выберешь, а потом позаботишься о рекламе оружия. Уверен, что отлично справишься с этой задачей, с твоими-то связями. Ну, а потом намекнешь, что никто не застрахован, или что-нибудь в этом роде...

На этом искаженный сатанинский голос, с его искаженным видением реальности, завершил разговор, и лестничная площадка погрузилась в мертвую тишину.

Правда, всего лишь на несколько мгновений.

А потом Пит Хоффман сорвался с места.

Он сбежал по лестнице и опрометью бросился на другую сторону улицы, где оставил свою машину. Он не слышал ни визга тормозов, ни сигналов, когда, петляя зигзагами, пересекал автомобильный поток. Отчаяние до черноты в глазах – он-то думал, что изжил это в себе навсегда.

Рюкзак Расмуса.

Было бы разумно для начала связаться с Хуаном и Ником, которые сейчас должны быть где-то возле школы.

Но ручная граната... Он собственноручно должен ее обезвредить, чтобы наверняка избежать жертв.

Машина с визгом обогнула припарковавшееся поперек такси и покатила по Васагатан – быстрее, чем обычно. Вверх к Центральному мосту, потом в южном направлении. Пит отгонял ненужные мысли и образы, которые мешали сосредоточиться. Вместо этого он попытался проанализировать другую часть разговора. Так что там голос говорил об оружии? Слухи, конечно, ходили разные. В том числе и о том, что, вопреки официальной версии, производство автоматов все-таки было запущено. Что покупатели нашлись и заказали десятки тысяч экземпляров, но потом неожиданно дали задний ход. О том, что происходило дальше, толком никто не знал. Но все предположения, теории и даже фантазии сходились в том, что несколько десятков тысяч автоматов пропали бесследно. Время от времени их якобы видели на разных этапах Балканской войны. Или в Южной Америке, в качестве базового вооружения империи наркотических баронов. Или в руках талибов в Афганистане.

Пит не особенно прислушивался к этим разговорам. Но что, если все так и есть? Пятьдесят тысяч крон за штуку – вот последняя цена, по которой шведское правительство закупало куда менее эффективные автоматы Ksp 58. На черном рынке оружие такого типа стоит еще дороже, семьдесят пять тысяч, по самым скромным подсчетам. А эта, куда более продвинутая модель, потянет больше чем на сотню. Питу не требовался калькулятор, чтобы понять, что это значит. Десять тысяч автоматов по сотне тысяч за штуку – это... девять нулей после единицы, то есть миллиард крон.

Где-то возле площади Юльмарсплан поток машин сгустился и вскоре перешел в пробку. Авария – движение на нескольких полосах перекрыли. Машина Пита оказалась зажатой между двумя соседними – бампер к бамперу – и ни малейшей возможности выбраться.

Пит уже подумывал пробежать остаток пути на своих двоих – какая-нибудь пара километров, это не заняло бы много времени. Но прежде всего надо было взять себя в руки и тщательно продумать ситуацию.

Взять себя в руки.

Они толкают его на некие действия. Но стоит им причинить вред его сыну – и Пит вообще ничего не станет делать. Игра будет сыграна. Толкать жертву вперед, не лишая ее мотивации, – таков главный принцип шантажа. Толкать – пока жертва сама не встанет на колени и добровольно не отдастся в их власть.

– Здравствуйте, это папа Расмуса. Неудобно беспокоить вас во время урока, но... скажите, он в классе?

Учительницу звали Мария, и она чем-то напоминала Питу его жену. Возможно, мягкостью характера, которую сохраняла, даже когда на чем-нибудь настаивала. Или тем, что была с Зофией одних лет. Марии страшно не нравилось, когда родители звонили во время урока. Она рассматривала это как покушение на рабочее время, свое и детей.

Так или иначе, на этот раз Мария без возражений передала трубку Расмусу.

– Папа?

Этот голос – само доверие, сама непосредственность и искренность.

– Привет, мой мальчик.

– Мы пишем, папа.

Учительница Мария и весь класс слышали этот разговор отца с сыном. Во всяком случае, реплики Расмуса.

– Что вы пишете?

– Буквы.

– Отлично. Чем больше ты будешь знать о буквах, тем лучше сумеешь ими воспользоваться, когда возникнет такая необходимость. Послушай, Расмус...

– Да, папа.

– Где твой рюкзак?

– Рюкзак?

– Да. Пожалуйста, просто ответь на мой вопрос.

– На вешалке.

– То есть в коридоре?

– Да, обычно рюкзаки висят там. Иначе Ма...

Хоффман представил себе, как его сын косится на учительницу и думает, что той наверняка не понравится, если он будет говорить о ней с папой в присутствии всего класса.

– ...ну, в общем, разозлится.

Пит Хоффман облегченно вздохнул. Улыбнулся, почувствовав, как напряжение в груди отпускает.

– Зачем он тебе, папа?

– Я просто спросил. Скоро увидимся, сын. Я встречу вас на парковке возле школы.

– Что, опять?

– Опять.

– Не думаю, что Хюго будет в восторге.

Пит Хоффман дважды поцеловал мобильник, прежде чем распрощаться с Расмусом и дать отбой.

Итак, он должен развязать войну.

Выбрать криминальную группировку.

Только теперь, сидя в машине с опущенными стеклами при тридцатиградусной жаре, Пит начал кое-что понимать.

Оружия такого уровня до сих пор не было на шведском рынке. О чем, в таком случае, шла речь?

Он должен распространить информацию среди других группировок, сделать рекламу.

Именно этого они от него добиваются, но зачем?

Очевидно, кто-то хочет внедриться на рынок оружия в криминальном Стокгольме. Шире – в криминальной Швеции.

И делает это теми же методами, которые приняты в других частях света.

А именно – искусственно создает спрос, которого раньше не было.

Пытается изменить соотношение сил. Хочет быть единственным, кто предложит новый товар.

Пит Хоффман прекрасно представлял себе картину в целом. В последние годы в крупных городах участились случаи применения огнестрельного оружия. Теперь в Швеции из автоматов и пистолетов убивали в пять и ранили в четыре раза больше людей, чем во всех остальных Скандинавских странах, вместе взятых. По числу перестрелок на душу населения в Европе со Швецией могла соперничать разве что южная Италия. И Мексика по числу случаев применения ручных гранат. В те времена, когда и сам Пит Хоффман был частью криминального мира, огнестрельное оружие применялось исключительно во внутренних гангстерских разборках, как правило, молодыми, не в меру темпераментными людьми.

Количество «стволов» постоянно росло, и вовсе не потому, что одни модели устаревали и заменялись новыми. То, что так или иначе проникало в страну, оставалось и продолжало циркулировать. Гангстерская этика предписывала избавляться от оружия по завершении крупного «дела».

К тому же большинство уважающих себя криминальных группировок имело своих собственных поставщиков и свои каналы доставки. В этом плане на рынке все давно утряслось, и видеть новых игроков никто не жаждал.

И вот кто-то пожелал внедриться в уже отлаженную сеть.

И поэтому поручил Питу Хоффману создать спрос, которого не было. Заставить гангстеров, которых до сих пор все устраивало, наращивать вооружение.

Питу Хоффману предстояло изменить соотношение сил путем ввода на рынок нового игрока. Принудить гангстеров закупать неизвестное оружие из опасения, что другие сделают это раньше.

Но кто этот игрок?

Что за команда пытается вклиниться на черный рынок вооружения? И почему они не хотят сделать это без посторонней помощи? Зачем им понадобился Пит Хоффман – аутсайдер, решивший жить честно?

Две «Скорые помощи» и эвакуатор пробудили жизнь в очереди машин, и те послушно и словно спросонья сдвинулись на десяток метров. На ближайшем повороте Питу удалось наконец вырваться из этого безнадежного хаоса.

Он припарковался, заехав правым передним колесом на тротуар, в зоне, предназначенной для школьных такси. Получилось не слишком тактично, но Питу было не до вежливости.

Он сорвался было с места, но тут же опомнился и широким, размеренным шагом через школьный двор направился к низкому побеленному зданию, где занимались младшие классы.

Переступив порог, Пит вдруг осознал, что до сих пор никогда не бывал здесь при свете дня. Родительские собрания обычно проходили вечером, когда в здании не было детей. Теперь же сквозь закрытые двери пробивались голоса, словно искала выхода жизнь, запертая в тесноте кабинетов.

Пит миновал три двери и остановился перед четвертой. Оглядел длинный ряд крюков, на которых висели сумки и рюкзаки двадцати четырех учеников, которые сейчас писали буквы. Над каждым крюком был прикреплен ламинированный картонный щиток. «Расмус» – Пит сразу узнал знакомый почерк, и внутри потеплело. Рядом с именем красовался голубой крокодил в очках и высокой шляпе. Пит, по крайней мере, опознал в этом существе крокодила, который широко зевал, демонстрируя острые зеленые зубы.

Хоффман посмотрел в круглое окно на двери. Учительница Мария ходила между рядами спиной к нему, дети и в самом деле что-то сосредоточенно писали в тетрадах. Как ей одной удавалось удерживать внимание двух дюжин восьмилеток на протяжении такого долгого урока? Пит едва справлялся с одним сорванцом, и то не более пары минут.

Блестящий красный рюкзак был там, где и должен быть – под крокодилом в высокой шляпе. В груди кольнуло – ярость, страх. Если намеки обладателя голоса не беспочвенны, в рюкзаке спрятано смертельное оружие.

Стоит ему сработать – и из двадцати четырех детей, занимающихся в кабинете, не выживет ни один.

Пит расстегнул ремни и откинул крышку. Учебники – пять штук. Разноцветные листы бумаги с математическими примерами. Пенал в красно-желтую полоску «Манчестер Юнайтед» с ярким мячом посередине. Вот и боковой кармашек. Все верно – вот она, округлая металлическая штука. Ручная граната, замаскированная под игрушку с приклеенными пластмассовыми руками и ногами и большим пластмассовым носом над пышными усами.

Почти такая, как в прошлый раз.

Почти.

Потому что теперь это было не просто предупреждение, обладатель голоса или кто-то другой вкрутил на место то, чего не доставало первому человечку.

Пит Хоффман держал в руке полноценную гранату.

– Папа?

Он оглянулся – Хюго. Стоит, уперев руки в боки, и, похоже, совсем не рад встрече с отцом.

– Так я и знал! Я видел, как ты шел через школьный двор. Но что ты здесь делаешь? Зачем?

– Хюго, я...

– Теперь тебе мало поджидать нас в машине. Ты явился за нами сюда! Зачем?

Хоффман сомкнул пальцы вокруг гранаты и медленно завел ее за спину. Главное – не подавать вида. Мальчик не должен ничего заподозрить.

– Сам-то что здесь делаешь? – спросил Пит Хюго. – Разве ты не должен быть сейчас на уроке?

– Я увидел тебя в окно и отпросился в туалет. Отвечай ты, папа, я первый спросил!

Сцена получилась – верх абсурда. Такую Пит точно не желал бы иметь в своем ментальном фотоальбоме. Представить только, как он стоит перед старшим сыном в школьном коридоре рядом с кабинетом, где занимается младший, и прячет за спиной ручную гранату.

– Я привез учебник, который твой брат забыл дома. Ты ведь знаешь Расмуса – вечно что-нибудь забывает. Вы двое неплохо устроились, или как? Учитесь в школе, где работает мама, а когда ее нет – папа на подхвате. Тем не менее забываете...

Хюго опустил руки. Взгляд из сердитого стал огорченным – выходит, он напрасно обидел отца. Пит Хоффман тоже смутился, оттого, что своей вынужденной ложью поставил сына в неловкое положение.

– Я подожду вас в машине, на старом месте.

– Папа...

– Еще несколько дней – и все. Обещаю.

Пит Хоффман наклонился, огляделся по сторонам – якобы желая удостовериться, что за ними никто не подсматривает, – прижал сына к себе и даже осторожно поцеловал в лоб.

Когда Зофия открыла окно в спальне, Пит так и не придумал, что ей возразить. Опасался втягиваться в дискуссию о том, что должен был хранить в тайне. Угроза больше не была пустой, над их детьми и в самом деле нависла смертельная опасность.

И все это имело самое непосредственное отношение к тому, с чем Пит обещал распрощаться навсегда, – к его криминальному прошлому.

Он завернулся в простыню и смотрел в небо. Ночная версия жаркого стокгольмского лета. В церкви пробили часы – три удара. Интересно, в какой? Откуда легкий ночной ветерок донес эти звуки?

Зофия сопела рядом – рука на его плече, нога, обычно касавшаяся его бедра, обвивает его колено. Губы приоткрыты, как всегда. Она из тех, кто дышит во сне ровно – независимо от обстоятельств и места нахождения. Питу оставалось только завидовать такой невозмутимости, для него, очевидно, невозможной. Сам он спал беспокойно, метался в постели, просыпаясь от малейшего звука или света. Или – все чаще, как и в эту ночь, – не спал вообще.

Еще некоторое время – до следующего удара часов – Пит наслаждался ее теплом, а потом встал. Половина четвертого – расслабиться так и не получилось. Тело, каждой жилкой умолявшее о сне, так и не пришло в согласие с головой, которая гудела от беспорядочных мыслей.

Пит поцеловал жену в щеку и осторожно откатился на край кровати. Яблоневый сад наполнил утренние птичьи звуки – острый, как иголки, щебет синиц, заливиная трель черного дрозда.

Жизнь как будто продолжалась.

В смежной комнатке спала Луиза, – на спине, обхватив пальцами деревянный столбик кровати, в которой когда-то спали Хюго и Расмус. Расмус ровно сопел в своей комнате, – на левом боку, совсем как Зофия. Как будто таким образом доверяясь тому, кто непременно его защитит.

Хоффман закрыл окно в спальне сына – здесь на это не требовалось ничего разрешения. Потом проделал то же самое с вентиляционным окошком в комнате Хюго. Если младший брат во сне больше походил на мать, то Хюго спал, как отец – разметавшись по мокрой от пота простыне, отбросив на пол смятую подушку и постоянно ворочаясь с боку на бок.

Внутренняя лестница меньше скрипит, если двигаться вплотную к перилам. Пит смотрел под ноги, опасаясь растоптать пластмассовых человечков, которых Расмус выстроил в прихожей в непостижимом для непосвященных порядке. Отключил сигнализацию и сел на кухонный стол со стаканом воды. Глотнул – по телу разлилось ледяное блаженство. На столе лежала газета с воскресным кроссвордом, которые Зофия решала один за другим, чтобы расслабиться.

Пит придвинул газету к себе, в утренней тишине бумага зашуршала неожиданно громко. Зофия любила, когда муж подвигал к ней стул, чтобы помочь заполнить последние пустые клетки. Но сейчас у Пита ничего не получалось. Нужные слова ускользали, буквы не стыковались. Наверное, Расмус справился бы лучше.

Пит выглянул в окно на пробуждающийся сад.

Там был мир покоя и гармонии – полная противоположность тому, с которым приходилось иметь дело Питу.

Итак, некая преступная группировка имеет доступ к несуществующему автомату и хочет утвердиться на рынке оружия с его, Пита, помощью.

Черный, с коричневым отливом, дрозд шмыгал в кроне яблони и щебетал специально для Пита. Большая синица взлетела с лужайки, уступив место коростелю, который высматривал в траве не то насекомых, не то дождевых червей. Понятный, правильный мир.

Пит Хоффман хорошо знал криминальный Стокгольм, с которым, так или иначе, был связан большую часть своей сознательной жизни. И он никогда не слышал об этой влиятельной организации. А ведь они не только располагали самым совершенным оружием, но имели поддержку среди высшего руководства полиции. Иначе как объяснить появление сверхсекретных документов в его офисе? Немногие в управлении имеют доступ к такого рода бумагам, в самом сердце полицейского ведомства.

Пожалуй, только один из знакомых ему сотрудников.

Одно дело – сражаться с полицией, Пит занимался этим на протяжении многих лет. Совсем другое – с криминальным миром, этому Пит посвятил примерно столько же времени.

Но чтобы с самого начала одинаково противостоять и тем и другим... Это чистое безумие, почти самоубийство.

Пит налил еще один стакан. На этот раз глоток ледяной воды ожег не так сильно.

Чертов телефон, от которого он так хотел избавиться и который был вынужден повсюду носить с собой, зазвонил, как только Пит с мальчиками вернулся из школы. Он не ответил. Поздно вечером сигнал повторился. Зофия посмотрела раздраженно, но воздержалась от бесполезных вопросов. И вот около половины второго ночи, одновременно со сдвоенным ударом церковных часов, когда надежда уснуть еще не была окончательно потеряна, поступило первое сообщение.

Пит ожидал этого. Перед тем как лечь, перевел мобильный в беззвучный режим, чтобы не разбудить Зофию. Легкого жужжания было вполне достаточно.

Мы следим за тобой. Знаем, где ты находишься, в каких комнатах спят твои дети.

Ты же не имеешь ни малейшего представления о том, где находимся мы. Поэтому будь добр, не игнорируй наши звонки.

Чуть позже, почти в три утра, пришло продолжение.

Проблемы со сном? Завтра будет легче. Покой вернется, когда будешь знать, где взять оружие и как именно его использовать. Выполни наше маленькое поручение, и мы позаботимся о том, чтобы твоя прекрасная семья чувствовала себя в безопасности. Чтобы ни с кем из них ничего не случилось. Сделай что положено – и все будет как раньше.

Ты тоже считаешь, что дрозд поет лучше всех остальных?

Пит достал мобильник и еще раз открыл сообщение. Что нового он хотел вычитать из него на этот раз, пару часов спустя? Или надеялся высмотреть между строк что-то такое, чего не разглядел раньше? Нет. Эти слова значили то, что они значили. *Мы тебя видим. Мы все время рядом с тобой.* На этот раз речь шла не об использовании его богатого криминального опыта. И даже не о том, чтобы взорвать его семью. Потому что Пит знал, – и им было известно, что он знает, – что ручная граната имеет три уровня предохранения и ее практически невозможно пустить в ход по неосторожности. Во-первых, нужно оттянуть кольцо. Во-вторых – поднять предохранительную скобу. Наконец, выдвинуть вперед рукоятку. Поэтому, даже обнаружив «игрушку» в боковом кармане рюкзака, крайне маловероятно, чтобы Расмус смог самостоятельно ее запустить. Очередной шаг шантажистов – вот что это значило. Последний толчок в спину, после которого жертва упадет на колени и сделает все, что от нее требуется. Или решится принять последствия угрозы.

Но они рассуждали и действовали так же, как делал бы это и сам Пит на их месте.

И угрожали старыми протоколами, которые хранились в сейфе его полицейского куратора Эрика Вильсона.

Эрик?

Эта мысль пришла ему в голову впервые.

Неужели Эрик прислал эти бумаги, пострашнее любого оружия?

Нет.

Питу Хоффману не было необходимости ни углубляться в эту мимолетную мысль, ни опровергать ее. Он просто знал, что такого не может быть. Потому что после десяти с лишним лет работы на грани жизни и смерти Эрик оставался одним из двух полицейских, которым Пит доверял. И это следовало понимать буквально – в учреждении с тридцатью тысячами сотруд-

ников остальные двадцать девять тысяч девятьсот девяносто восемь так и не удостоились его доверия.

Тем не менее жертва и шантажисты понимали друг друга с полуслова.

Они мыслили так же, как он. То же касалось задания, которое они ему поручили.

Потому что примерно таким же способом и сам Пит когда-то хотел уничтожить одну из преступных группировок. А именно, применив оружие, которого нет больше ни у кого в криминальном Стокгольме. И произошло это много лет назад, совсем при других обстоятельствах.

Тогда он внедрился в один мотоклуб, считавшийся в полицейском управлении одним из самых опасных. Постепенно сделался там своим, как вдруг стал замечать признаки недоверия и подозрительности. Эрик Вильсон был не только его полицейским куратором, но и близким человеком, с которым Пит, помимо информации, делился радостями, печальями и страхами. Хоффман хорошо помнил эту их встречу. Эрик поделился с ним своими соображениями по поводу того, как выжить полицейскому агенту среди бандитов, которые наконец поняли, кто он есть на самом деле.

Боже мой.

Неужели все это оттуда?

За окном все так же заливался дрозд, а на кухонном столе лежала газета с кроссвордом.

И только Питу Хоффману вдруг все стало ясно. А именно: выявились истоки ситуации, в которой до сих пор неизвестная криминальная организация угрожала расправиться с его семьей.

Так вот почему они выбрали именно его.

Они добрались до сейфов с секретными документами, скопировали старые протоколы и прислали ему, чтобы дать понять.

Они вдохновились его идеями, записанными в бумагах Эрика Вильсона, чтобы утвердиться на стремительно расширяющемся рынке нелегального оружия.

То есть это он сам, агент Пит Хоффман, – кодовое имя Паула, – всему причиной. Это он много лет тому назад подсказал им способ, как легко вывести из игры сильного конкурента и буквально одним движением изменить расстановку сил.

Хоффман почти не сомневался, что все понял верно. Тем не менее поднялся и направился к внутренней лестнице, чтобы спуститься в подвал. Там хранились копии, присланные два дня назад в его офис. Пит набрал код на двери сейфа, нащупал на верхней полке связку убористо исписанных бумаг из секретных полицейских папок. Он так и не перечитал их как следует, после того как вскрыл пакет. Смысл послания был ясен и без этого.

– Они ходят за мной по пятам, Эрик. Задают вопросы, на которые у меня нет ответов.

– Сколько у меня времени?

– Счет пошел на дни. Может, на часы. Ты должен вытащить меня отсюда.

– Так сразу не получится.

– Оба мы знаем, что произойдет, если они меня разоблачат. Они убьют Расмуса. Потом Хюго, Зофию. Последним меня. Именно в такой последовательности – от младшего члена семьи к старшему.

Пит прислонился к сейфу и медленно опустился на пол, пролистывая бумаги.

– Что, если я не успею?

– Ты должен успеть, Эрик.

– И все-таки... Твои планы?

– Я их уничтожу. Весь чертов мотоклуб – одним ударом.

– Я серьезно, что ты думаешь делать?

– Слушай, Эрик. Это и есть мой план.

Он быстро нашел, что ему нужно. Уголок листка был загнут, как будто отправитель хотел обратить внимание Пита именно на это место.

– Значит, так, Эрик. Мне пришлось попотеть в последние дни. Ночами, когда мои настояжившиеся друзья из мотоклуба спали сном праведников, я уезжал в гараж в Альбю, где конструировал самую большую автомобильную бомбу, какие только знала эта страна. Два метра шириной. «Дюнамекса»⁴ на нее ушло порядком, но ты знаешь, что добыть его сегодня не проблема. Далее корабельная пластина плюс полсотни коробок болтов М16 – и дело в шляпе. Сейчас, пока мы с тобой здесь беседуем, эта штука ожидает своего часа на грузовике с платформой – из тех, что разъезжают по городу с рекламой стриптиз-клуба. Она спрятана за щитом – лучшего места не придумать. Я арендовал эту машину и припарковал в пятидесяти метрах от их штаб-квартиры. Идиот нашел бы забавным, что я выбрал именно рекламу обнаженки. Я активирую ее, когда захочу. При помощи одной только пентиловой трубки, электрической зажигалки и пары мобильных.

Этого будет достаточно, чтобы изрешетить стены, можешь не сомневаться. Я не оставляю никому из них ни малейшего шанса.

– То есть ты... о чем ты говоришь?

– О том, что, если полиция не может защитить собственных сотрудников, сотрудникам приходится защищаться своими силами.

– То есть... Боже мой... Полиция не давала тебе задания конструировать оружие массового уничтожения. Ты хочешь развязать войну, да? Прекрати немедленно! Убери ее, слышишь?

– Уберу. Но только после того, как я и моя семья будем в безопасности. После того как ты вызволишь меня отсюда, Эрик.

Шесть лет назад. И каждое их слово было записано на диктофон, а потом перенесено на бумагу, в соответствии с инструкциями.

– Ты мой лучший агент и продержался больше остальных. Когда ты раньше преступал закон, я закрывал на это глаза. Потому что в наших интересах было, чтобы ты продолжал работать. Но это... Ты зашел слишком далеко.

– Убийство пятидесяти человек не входит в мои намерения, Эрик. Я всего лишь должен показать им, что могу это сделать. Если меня к тому вынудят.

– Дело не только в том, что ты зашел слишком далеко. Это я позволил тебе слишком многое, по какой-то мне самому непонятной причине.

– Непонятно здесь только то, что до меня до этого никто не додумался. Как на самом деле просто изменить расстановку сил. Выбить конкурента. Завоевать территорию.

Самая страшная катастрофа для любой банды – узнать, что конкуренты добрались до супероружия, которое до сих пор было только у них одних. Взять тот же мотоклуб – весь криминальный мир в курсе, что они проводят еженедельные сборища по средам, в половине седьмого, в своей штаб-квартире. И не за бронированными стенами – в чертовом оловянном бункере, который я могу разнести на кусочки за какую-нибудь пару секунд.

У «Ангелов ада» своя штаб-квартира, у «Саутсайда» своя, но законы-то везде одинаковы.

Мы же в Швеции, понимаешь? Я могу позвонить в любой комитет по градостроительству, и они покажут мне все планы и чертежи и дадут сфотографировать, потому что это

⁴ Имеется в виду «дюнамекс Б» – пластичное взрывчатое вещество шведского производства.

ведь открытая информация. И там будет все – потолки, ширина стен. Это доступно каждому, Эрик. И мы с тобой, как полицейские, мы просто обязаны проявить к этому интерес. Смотри на это проще. Загляни в новое помещение «Бандитос» и убедись – там нет и намека на пуленепробиваемую защиту. Для этого они слишком ленивы. Тем не менее до сих пор ничего подобного не происходило.

Собственно, кому это было нужно? Зачем? Но я тебе говорю, Эрик. Если я захочу развязать войну по-настоящему, я уничтожу их в одиночку. Одним движением руки.

Просто установлю свое секретное оружие и заведу будильник. И вот, когда они соберутся там, внутри, наведу прицел при помощи внутренней камеры и воспользуюсь дистанционным управлением.

Пит Хоффман хорошо помнил те дни и ту встречу. Вечный панический страх и очистительная сила адреналина. Читать эти протоколы, строчка за строчкой, было все равно что просматривать альбомы со старыми фотографиями. Иногда Пит делал это с Расмусом и Хюго, которые от души смеялись, глядя на молодого папу. Чужак – вот кого сам Пит видел на этих снимках. Очень молодой человек, не имеющий ничего общего с Питом Хоффманом, которым ему, конечно, когда-нибудь предстояло стать. Пит терялся в его присутствии и опускал глаза. Потому что чувствовал, как пристально этот шести-семи-двенадцатилетний незнакомец его разглядывает.

И вот эти записи, которые Пит только что вернул на верхнюю полку сейфа, тоже имели отношение совершенно к другому человеку. Но от этой версии самого себя Пит уже не мог отвернуться. Как ни пытался сделать это – она снова и снова силой возвращала его к себе.

Шаг за шагом Пит Хоффман постигал то, что было посеяно агентом Паулой.

Он запер сейф, потом дверь в секретную комнату и гардеробную, наконец, в кабинет и подвал. На кухне вскипятил воду в старом, облупившемся чайнике, от которого никак не решались избавиться, потому что купили в день переезда в этот дом. Налил себе большую чашку и добавил растворимый кофе.

От усталости Питу хотелось упасть на стену.

Так или иначе, он ждал этого всю свою сознательную жизнь.

Смерти.

Разоблачения.

Того, что его тайны всплывут наружу и его семья станет мишенью.

И вот теперь пришло время выбора.

Выполнить задание или отказаться и ждать расправы, потому что для мафии привести угрозу в исполнение – вопрос чести.

Он снова посмотрел на разворот газеты, которую Зофия оставила на столе, взял карандаш. Зофия, конечно, все понимала. Она вообще чувствовала и понимала больше его. Пит насчитал девять незаполненных клеток в разных углах кроссворда. Нет, это невозможно. Потому что у него все еще не было ответа на главную головоломку с двойным дном. Пит никак не мог понять, что сейчас для него значит это слово, которое крутилось в голове, не давая себя поймать, и будто смеялось над ним.

Пустота в голове – как эти клетки.

Пит встал, сам не зная зачем, потянулся к серванту между холодильником и плитой и вытащил коробку с салфетками, одну из которых развернул поверх газеты. Затем карандашом провел прямую линию и механически расчертил салфетку на квадраты. Они тянулись цепочкой, так что верхний слева доходил почти до угла салфетки. Пит пририсовал еще одну цепочку, под первой. А потом еще одну, совершенно не осознавая, зачем это делает.

Расчертив салфетку, он принялся заполнять квадраты. Это оказалось не так просто, потому что карандаш был тупой, а клеточки слишком близко подходили к краю. Тем не менее первое слово легло на бумагу будто само собой.

Выжить – двенадцать букв.

Ф-О-Н-Е-Т-О-Г-Р-А-М – М-А

Следующий ряд получился не таким ровным, но с меньшим числом клеточек большего размера.

Выжить – семь букв.

И на этот раз Пит знал ответ:

П-Е-Р-Е-Е-З-Д

Питу понравилась эта головоломка, и он продолжил. Мысль работала на удивление ясно. Иногда с первого этажа доносились звуки – сопение или бормотание во сне. За окнами становилось все светлее, и большая чашка кофе на столе постепенно опустела.

Выжить – четыре буквы:

Л-И-Ц-О

Выжить – девять букв:

Д-Е-Т-О-Н-А-Т-О-Р

Выжить – восемь букв:

Г-Л-У-Ш-И-Л-К-А

Выжить – одиннадцать букв:

Л-О-К-А-Л-И-З-А-Ц-И-Я

Выжить – девять букв:

К-Р-И-П-Т-О-К-О-Д

Бестолковое занятие – автоматическое вычерчивание букв – на глазах обретало смысл.

Перед Питом лежал готовый план действий.

В общих чертах он составил еще тогда, когда Пит обнаружил гранату в руке младшего сына, и обретал форму по мере роста угрозы.

И вот сейчас наконец все встало на свои места.

Больше никакого криминала.

Отныне и навсегда Пит ни на кого не работает, будь то мафия или полиция. В свое время он успел послужить и той и другой стороне и здорово влип. И вот сейчас они хотят продолжения.

Потому что с мафией, как и с полицией, всегда срабатывает один и тот же принцип – тиски быстро сжимаются, не оставляя ни малейшего шанса вырваться.

Пит сделал выбор в пользу отказа от выбора.

Он не будет выполнять никаких заданий и не будет ждать расправы.

Пит поцеловал Луизу в живот – и пальцы, сжимавшие кроватьный столбик, расслабились. Поцеловал Расмуса в лоб, так что тот ничего не заметил. Поцеловал Хюго – тот открыл безумные глаза, но тут же снова закрыл и ткнулся носом в подушку.

Пит склонился над Зофией, положил ладони на ее виски и держал так, пока она не проснулась.

– Пит?

– Прости, что разбудил.

– Но... ты одет? Который час?

– Четверть пятого.

София рывком приподнялась, взбила кулаком подушку.

В спальне было еще светлее, чем на кухне. Бесплезно опускать жалюзи, когда окна открыты.

– Мне нужно уладить кое-какие дела. Сегодня не жди.

– Ты уезжаешь? Сейчас?

– Пока меня не будет, ни ты, ни дети не должны выходить из дома.

Зофия смотрела на него.

Она ничего не понимала и в то же время понимала все.

– Это связано с пакетом, который принес курьер, ведь так? Со звонками на мобильный, на которые ты не отвечаешь? С игрушкой, которую Расмус нашел в почтовом ящике и которую ты у него отобрал, так и не объяснив почему?

Она уже говорила ему об этом.

О том, что Пит – некогда заправский лжец, который лгал ей изо дня в день так, что она ни о чем не подозревала, вдруг разучился это делать. И здесь Зофия была права. Ложь, как и любое другое дело, требует практики, иначе теряешь хватку. И у Пита все проходило гладко, но только пока ложь была частью его самого.

– Два человека следят за домом. Они профессионалы своего дела, поэтому ты их не видишь. Если что-то пойдет не так – немедленно звони мне.

– А дети... что мне им сказать...

– Я люблю тебя.

Он поцеловал жену в лоб, и больше она ни о чем не спрашивала.

Потом спустился по лестнице, да так, что не скрипнула ни одна ступенька. В прихожей не сбил ни одного пластмассового человечка.

Мобильник завибрировал уже на выходе, сигнализирував поступление третьего сообщения.

Чуть позже мы разъясним подробности твоего задания.

Оружие за наш счет. Время и место – в следующем СМС.

Итак, ему нужно уладить кое-какие дела.

В кармане брюк лежала смятая бумажка с кроссвордом. Точнее, с планом действий, который предполагал не просто бегство, но бегство с семьей. А значит, ко всему прочему, следовало позаботиться и о том, чтобы было куда бежать.

Подробности – чуть позже.

Пит Хоффман и раньше знал, что это срочно, но лишь теперь понял насколько.

Он завел машину, припаркованную возле ржавых ворот.

Зофия была на последнем месяце беременности, когда они переехали в этот дом.

Пит помнил, как она хихикала и как он сам прыскал и хихикал в ответ, когда они рука об руку входили в эти ворота. Собственный дом – большое дело. Оба чувствовали, что только теперь все начинается по-настоящему.

До утреннего часа пик и пробок оставалось несколько часов, и Пит без помех катил по Нюнесвеген в направлении центра столицы.

Он привык быть на шаг впереди противника – и вот теперь оказался на шаг позади.

Именно поэтому его временем располагали те, кто ему угрожал, и Пит должен был вернуться домой не позже, чем они объявятся снова. Остаться там весь вечер и ночь. А если получится немного солгать – на этот раз он подготовится лучше, чем тогда, с Зофией, – то, возможно, и до следующего утра. То есть целые сутки. Но не более того. За это время нужно успеть все подготовить. И тогда Пит снова будет на шаг впереди этой безликой группировки, чьи длинные руки простираются до святой святых полицейского управления.

Сегодня он оделся как обычно и будет придерживаться привычного маршрута. Тот, кто наблюдает за ним перед компьютером, подключенным к камере, ничего не заподозрит.

И это первый пункт его плана – исчезнуть, чтобы измениться. Вряд ли его противники имеют доступ к камерам помимо офиса на Васагатан и особняка в Эншеде, но Пит решил минимизировать риск преследования. Поэтому он спустился в гараж под «Глобеном» и оставил мобильник, по которому должен был им отвечать, на пассажирском сиденье, а сам пересел в красную «Вольво», которая всегда стояла там на долгосрочной парковке. От «Глобена» Пит направился в гараж под площадью Медборгенплатсен, где сменил красную «Вольво» на синий «Фольксваген», а оттуда – в гараж под Осэгатан, где его ждал черный «Опель».

По Седерледен он выехал на мост Центральбрун, а потом через туннель на Кюнгсгатан. Столица не успела пробудиться по-настоящему, поэтому Пит быстро миновал Стюреплан и Хюмлегорден и выехал на Вальхаллавеген, к больнице, которую королева другой эпохи окрестила «приютом Софии».

Доктор, мужчина за пятьдесят, который в другие дни работал совсем в другой больнице, уже поджидал в условленном месте – на краю парка Лилльянскуген, как можно дальше от главного входа. Мужчины обменялись рукопожатиями, – не без некоторой настороженности, поскольку видели друг друга впервые. Бок о бок по массивной каменной лестнице поднялись в отделение, называемое фониатрической клиникой в Эстермальме, где им предстояло провести наедине ближайшие несколько часов.

Просторный кабинет, куда доктор привел Пита, был разделен на две секции. В первой, меблированной под обычный офис, стоял стол со стулом и двумя выключенными компьютерами. Во второй, где бил в глаза холодный, яркий свет, оказалась маленькая операционная, со столом на колесиках и чем-то похожим на стоматологическое кресло.

Доктор включил один из компьютеров, установил на столе микрофон на штативе и выкатил из гардеробной еще один стул.

– Присаживайтесь, прошу. Для начала нам нужно хоть немного познакомиться.

Безымянные – это про них.

На белом докторском халате отсутствовал бейдж, у пациента не было больничной карты.

– Мне уже сообщили, что вы спешите и что готовы заплатить за срочность и анонимность.

Пит Хоффман запустил руку в карман брюк, где обычно носил «чертов мобильник», и вытащил увесистую пачку купюр.

– Пересчитайте.

– И не подумайте, – махнул рукой доктор. – Доверие – вот что нам нужно в первую очередь, если его между нами еще нет. Или как вы считаете?

Хоффман положил деньги на стол рядом с микрофоном.

Двести тысяч крон в изрядно потрепанных долларовых купюрах. Когда-то он носил их в сумке, которую взял с собой в адскую командировку к соленому морю, омывающему берега Северной Африки. Разумеется, эта пачка не была там единственной. Всей суммы его семье с головой хватило бы на много лет.

Но доктор медлил принимать деньги, и тогда Пит Хоффман перегнулся через стол и вложил пачку в его руку.

– Это то, за чем вы сюда пришли. Теперь я хочу получить то, за чем пришел я.

У доктора на носу были очки как будто совсем без дужек. Он был вынужден придержать их пальцем, когда помещал купюры в потертый портфель, прислоненный к блестящему столу на колесах.

– В таком случае я хотел бы услышать от вас несколько слов.

Доктор кивнул на микрофон. Это в него должен был говорить Хоффман.

– Каких слов?

– Любых. Мне нужно как минимум двадцать секунд.

Пит Хоффман склонился над микрофоном, а доктор кликнул на картинку на мониторе. Она выглядела как обычная сеточная диаграмма. Шкала в левом верхнем углу показывала громкость в децибелах, в нижнем – высоту голоса, в герцах.

– Говорите, что вздумается, – еще раз пояснил доктор. – Для меня важно только, как это звучит.

Пит Хоффман молчал. Наверное, со стороны это выглядело смешно, но в голову и в самом деле не шло ни единой фразы. Что, собственно, должен говорить человек, открестившийся от собственного прошлого, не желающий быть узанным теми, кто может его услышать?

– Когда начнете, я буду записывать. Прошу...

– Фонетограмма.

Пит поднял глаза на доктора. Тот кивнул, призывая продолжать.

– Переезд. Лицо. Детонатор. Глушилка. Позиция. Криптокод. Фонетограмма. Переезд. Лицо...

Конец последнего слова Хоффман проглотил.

– Достаточно?

На мониторе проступил мерцающий узор. Это выглядело, как географическая карта, – множество точек, соединенных линией, ограничивающей территорию страны или остров в размеченном на квадраты море.

– Что вы такое говорите? Я выслушал множество начиток, поверьте, и не припомню ничего подобного.

– Это кроссворд, который я разгадывал сегодня утром. Вы же велели говорить, что вздумается.

– Я помню, – кивнул доктор, – но, к сожалению, этого недостаточно. Нужно, чтобы вы говорили нечто... более привычное, что ли. Лучше цельными предложениями, чтобы я мог уловить базовый тон. Можете, к примеру, рассказать мне какую-нибудь историю, описать свой дом, детей, если таковые есть. Что-нибудь повседневное, обычное.

И Пит Хоффман сделал это. Он провел доктора по дому, по которому начинал скучать, стоило переступить порог. Только изменил имена и переврал кое-какие факты.

– Отлично, отлично... – подбадривал доктор. – Значит, две дочери?

– Две дочери и новорожденный сын.

Очертания острова на мониторе менялись.

– Отлично, – подытожил доктор. – Теперь у нас есть с чем сравнивать. У вас очень низкий голос, и вы, конечно, это знаете. Это я на всякий случай предупреждаю. Некоторые пациенты не представляют, как звучит их голос со стороны, поэтому потом не видят изменений.

Хоффман кивнул. Он знал, что у него очень узнаваемый голос. Именно поэтому и пришел сюда – выбора просто-напросто не предоставлялось. Все нужно было менять – голос, внешность, движения... Все, что называется особыми приметами и позволяет распознать человека.

– То, что голос низкий, даже хорошо, – продолжал доктор. – Мыотрежем нижние тона, они исчезнут. Хочу напомнить еще раз, – на всякий случай, чтобы мы друг друга поняли, – изменения, которые мы хотим внести, состоят в переносе голосовой позиции по шкале вверх, и они необратимы. После того как я растяну голосовые связки и посильней их натяну, чтобы увеличить частоту колебаний, ваш голос изменится раз и навсегда. Это будет мужской голос, но более высокий. Обычно такие операции проводятся под наркозом.

У Пита Хоффмана не было времени на наркоз.

После недолгой, но жаркой дискуссии доктор без бейджика согласился на местную анестезию. И пациент, который на протяжении всей операции лежал на койке и пялился в потолок, оставался в полном сознании, когда ему вскрывали шею и сближали хрящи в гортани.

Следующая дискуссия проходила при помощи карандаша и бумаги, пока свежие надрезы зашивались и фиксировались медицинским скотчем. Доктор требовал, чтобы пациент лег на обследование после операции. Хоффман, на листе с больничным логотипом, возражал, что на это нет времени и он должен покинуть клинику как можно скорее.

Когда пересели за стол и Хоффман снова заговорил в микрофон, оба смогли убедиться, как изменилась диаграмма на размеченном сеточкой мониторе. Точки описывали совсем другую кривую, с совершенно новым диапазоном голоса и уровнем базового тона.

– Если вы сейчас отправитесь домой, я ни за что не отвечаю, так?

– Так.

– Вечером можете поесть, как обычно. Но не забывайте слегка наклонять голову вперед. Говорить первые дни тоже старайтесь как можно меньше. А это для профилактики инфекций.

Доктор протянул Питу баночку с таблетками, оба встали.

За дверью, выходящей в больничный двор, занималось теплое утро и щебетали птицы.

– Я сжал вам щитовидный и кольцевидный хрящи. После таких операций первые недели две бывает трудно глотать. – Доктор чуть заметно улыбнулся, поправил воротник белого халата. – И что касается пения, вы не сможете делать это, как раньше. Ваш диапазон сузился на пару тонов. Но такая срочность, это ведь не ради пения, правда?

Поток машин на улице уплотнился, но до обычного будничного сумасшествия было далеко. Еще пара перекрестков, короткий отрезок по улице с односторонним движением, совсем короткий по пешеходной улице – и Пит снова въехал в туннель. И далее все пошло в обратном порядке – мост Юханнесбрун, повороты на Сёдермальм и Скантионн.

Поверни он направо сразу после Рингвеген, обнаружил бы пару очень неплохих мест на парковке возле Кларион-отель, остававшихся свободными еще каких-нибудь тридцать минут назад. Пит выключил мотор, взял телефон и вошел в Гугл. И так – продажа квартир. Пита интересовали предложения в южных пригородах, пять – самое большое десять километров от их нынешнего дома в Эншеде.

Он почти не смотрел на цену, равно как и на количество комнат, необходимость ремонта, наличие балкона или камина. В приоритете были бетонные конструкции, отлитые на месте. И стены не меньше пятнадцати сантиметров толщиной, какие невозможно прострелить из ручного оружия.

Таковы были главные требования. Пит листал страницы, где сотни и сотни объектов недвижимости группировались по географическому принципу. Интерьеры, созданные одними и теми же дизайнерскими фирмами, практически не различались.

Пит не видел ничего более-менее подходящего.

Другим его приоритетом была звукоизоляция, поэтому Пит обращал особое внимание на первые этажи зданий пятидесятых годов постройки. Пятьдесят третий, пятый, восьмой – было бы то, что надо. Пит выбрал в общей сложности семь квартир, из которых по крайней мере в четырех балки настила были полами. Именно такие дома подходили ему лучше всего.

Пит прокашлялся, попробовал новый голос. Похоже, все в порядке. Не такой низкий и узнаваемый, как раньше, – как и говорил доктор. Пит набрал номер. Короткий разговор с женщиной из управления городским строительством подтвердил его предположения. В интересующих его домах балки перекрытий были полами. То есть потолки, стены, полы представляли собой воздух, обрамленный тремя сантиметрами бетона и еще двадцатью двумя сантиметрами песка и прочей звукоизоляции с каждой стороны.

Пит попросил женщину выслать ему чертежи и сообщил электронный адрес.

Потом ерзал на сиденье, пока долгожданный щелчок не сигнализировал поступление сообщения.

Открыл вложенный файл. Крутил страницы и так и этак, увеличивая и уменьшая, монтируя друг с другом чертежи более чем шестидесятилетней давности.

Объект был идеален.

Квартира не только располагалась на первом этаже, но и непосредственно над бомбоубежищем, представлявшим собой еще одно потенциальное укрытие.

Маклеру было чуть за пятьдесят – черный костюм с неровными белыми полосками и улыбка словно с рекламного буклета. Бывают такие маклеры, которые хотят походить на успешных адвокатов или членов совета директоров, собравшихся для фотосессии за столом переговоров в крупном банке. Они полагают, что это внушает доверие клиентам. Сконец, судя поговору, он сидел в углу довольно просторного элегантно меблированного офиса и выглядел значительно старше своих коллег.

– Просто фантастическое расположение, этот район пользуется большим спросом. Магазины, школа – все рядом. И потом... вот, смотрите... паркет в «ёлочку», даже на кухне... обратите внимание на старый счетчик – черный бакелит, он так и висит в прихожей. И это будет первое, что вы увидите, как только переступите порог.

– Я приехал сюда, чтобы купить эту квартиру.

Пит Хоффман откинулся на спинку кресла и досадливо отмахнулся от леденцов с логотипом маклерской сети, которые предложил ему мужчина в черном костюме.

– И я хочу сделать это прямо сейчас.

– Мы устраиваем открытый смотр на выходные, таково желание продавца. Торги, понимаете? Спрос превышает предложение, в такое уж время мы живем.

– Сколько?

– Но... вы что, не хотите даже взглянуть?

– Сколько, я спрашиваю.

Хоффман пролистал рекламные буклеты с логотипом компании, задержав взгляд на фотографии бакелитового счетчика, который заботил его так же мало, как и близость продовольственных магазинов.

– ...ваш продавец, он может подписать контракт прямо сейчас?

– Прямо сейчас?

– Именно так.

Маклер улыбнулся еще шире. На его передний зуб налипло что-то зеленое, похожее на травинку. Возможно, кусочек фирменного леденца. Хоффман не знал, насколько удобно будет сказать ему об этом.

– У меня серьезные намерения, просто я действительно спешу. Вы ведь не хотите, чтобы я встал и ушел, оставив вас без самых легких за всю вашу карьеру комиссионных?

Маклер запустил пальцы в вазочку с леденцами и как будто задумался. Когда он начал жевать, Хоффман услышал хруст.

– Но... в объявлении указана только начальная цена, – объяснил маклер, как только оправился.

Он впервые осознал реальность предстоящей сделки, которая, конечно, означала комиссионные, но и переговоры тоже. В любом случае, куда веселее, чем указывать фотографу, что и под каким углом лучше снимать и как ретушировать. А потом еще обзванивать любопытных, оставивших номера телефонов в списке заинтересованных лиц, не будучи ни в малейшей степени заинтересованными.

– Пять миллионов сто девяносто пять тысяч крон – стартовая цена. Но если я позвоню продавцу и попрошу его отменить смотр и торги, боюсь...

– Шесть миллионов.

– Шесть?

– И еще полмиллиона, если я смогу въехать сегодня вечером.

– Шесть с половиной?

– Если подпишем контракт прямо сейчас и я получу ключи не позже двух часов полудни.

Как видно, маклер был из тех, кто краснеет от волнения. На этот раз пятнами пошла даже шея.

– Но продавец все еще там живет, – объяснил он. – Завтракает или перекусывает на кухне, пока мы с вами здесь беседуем и рассматриваем снимки. И заявиться к нему прямо сейчас, без предупреждения...

– Семь миллионов, – перебил маклера Хоффман. – И последние пятьсот тысяч ваши. При условии, что стол, с которого они уберут тарелки по окончании завтрака, и постели, в которых они только что спали, – все как есть останется мне.

Спустя полчаса Пит Хоффман покидал заставленную под завязку парковку под окнами офиса с готовым контрактом в кармане. Если улыбка и сошла с лица услужливого маклера, то лишь на какое-то мгновение, когда клиент передал ему сверхурочные полмиллиона в двух потертых конвертах. Но сделалась еще шире и, возможно, фальшивее, когда к этим двум конвертам Пит присовокупил третий, с дополнительной сотней тысяч крон, за быстрое и профессиональное завершение сделки.

Полезно иметь при себе наличные. Когда-то Пит Хоффман покидал Северную Африку с дорожной сумкой, полной потертых банкнот.

Большую часть суммы удалось «отмыть», используя старые связи, на различных банковских счетах. За услуги старые друзья брали двадцать процентов. Часть тех запасов до недавнего времени хранилась в сейфе, о существовании которого не знала даже Зофия.

От маклера Пит направился на парковку под «Глобеном», где уже стояла его машина, на пассажирском сиденье которой остался «чертов мобильник». Три пропущенных вызова и одно сообщение.

Обмен произведем сегодня ночью.

Ты получишь оружие, а мы твою семью.

Обратный обмен состоится, как только выполнишь задание.

Если не справишься – не состоится вообще.

Подробности позже.

Приманка, ложь, но она требовала ответа. Они не должны были слышать его новый голос, поэтому оставалось СМС.

*Где и когда именно?
Я согласен на ваши условия.*

Положив «чертов мобильник» на прежнее место, Пит вернулся в «Опель» и направился в сторону Сёдермальма.

Салон, где его светлые волосы и брови выкрасили в заметно более темный цвет, располагался на Сконегатан. Владелец магазина оптики в угловом доме на Гётгатан помог выбрать линзы, после чего глаза Пита из серых сделались карими. А возле Хорнстюле, примерно где Лонгхольмсгатан встречается с Хёгалидсгатан, Пита уже ждала хозяйка маленького ателье, которой предназначалось осуществить следующий пункт плана.

Маска, покрывавшая все лицо, кроме нижней части носа, была нежно-розовой и приятно холодила кожу. Легко давила на глаза под опущенными веками, отчего казалось, будто ты заперт в темной комнате. Пит вспомнил, как в первый раз, около семи лет тому назад, эта процедура вызывала у него приступ клаустрофобии. Но причин не доверять мастеру не было, тем более что большую часть рабочего времени хозяйка ателье занималась актерами в театрах и на съемочных площадках.

Она хорошо знала, что делает, именно поэтому Пит и выбрал ее.

И еще потому, что она никогда не спрашивала зачем.

Вот и эта жижа, похожая на мокрую глину, – альгинат, который стоматологи используют для изготовления слепков. Мастер наложила его слоем толщиной в сантиметр и теперь размазывала по лицу. Спешила – нужно было успеть, пока жижа не затвердела. Пальцы так и танцевали вокруг его глазниц, на щеках, на лбу. Гипсовые полоски мастер нарезала заранее и теперь только опустила в воду и наложила поверх альгинатной маски – пусть впитываются. Легкое жжение – все, как она говорила. Хотя не такое уж и легкое. Гипсовые полоски стали теплыми с наружной стороны, она чувствовала это пальцами. Когда все застыло, постучала костяшками по каркасу и ловко сняла, словно смахнула.

Перед глазами Пита Хоффмана замелькала первая версия его нового лица.

– Я еще...

Он сделал движение подняться, одновременно кивая вглубь салона.

– ...тебе нужен?

У нее была хорошая улыбка – настоящая, теплая, не то что у маклера.

– Ты знаешь.

– Я имел в виду сейчас?

Цемент, которым она поливала маску, тоже будет жечь, полчаса спустя застынет, а потом она снимет альгинат вместе с гипсовыми полосками и положит на стол очередную его, Пита, версию. Он уже знал это. Равно как и то, что мастер предпочитала, чтобы он оставался в салоне до конца, пока она совершенно не будет уверена, что сможет закончить работу без него.

– Ты сегодня на взводе, Пит, это слишком заметно. Я имею в виду, ты всегда такой, когда сюда приходишь, но сегодня... ты просто какой-то загнанный.

Чтобы менять человеческую внешность, нужно видеть чуть глубже, или как?

Потому что внутреннее и внешнее – две стороны одной медали и должны соответствовать друг другу.

– Загнанный, ты права. Ну так что, я могу идти?

Она снова улыбнулась. Пит непременно потерялся бы в этой улыбке, если бы не был так загнан. И если бы улыбалась не она, а кто-то другой, кто по крайней мере хуже его знает.

– Иди. Я позвоню, если что-нибудь понадобится. Увидимся через десять часов.

Пит успел открыть входную дверь, когда его догнал ее голос:

– Две складки над глазами?

Он обернулся:

– Отлично.

– Нос – немного кривоват, на сторону. С большими ноздрями...

– Превосходно придумано.

– И еще я думаю... не помешала бы одутловатость... Двойной подбородок, брыли... как насчет небольшого живота?

– Спасибо.

Время близится к полудню, а движение на улицах все еще оставалось относительно спокойным. Пит переехал старый мост возле Сканстюля и мимо Сёдра Хаммарбюхамнен продолжил путь в восточном направлении.

Он экранировался, заслонился, потому что только так и мог это вынести.

Дальше, дальше – только бы ничего не чувствовать.

Стоит убрать защитные экраны – и он не сможет за себя поручиться. Стоит Питу сейчас достать из внутреннего кармана мобильник, позвонить Зофии, Хюго или Расмусу и услышать голос кого-нибудь из них – как он тотчас даст слабинку и все полетит к черту.

А потому вперед, только вперед.

Район назывался Тюльбакеном и был частью округа Гамла Сикла. По лестнице Пит поднялся на подковообразную площадку, отыскал нужный подъезд. Квартира номер 37. Зеленый балкон за такой же зеленой живой изгородью крайний слева. Пит узнал его по рекламной брошюре из маклерского бюро. Грязновато-желтый «козырек» – и гирлянды с круглыми фонариками, свисавшие, словно нагруженные плодами ветви облетевшего дерева. Пит вошел в подъезд и достал ключи – для новосела жест почти символический.

Бронированная дверь. Нижний и верхний замки – корпус класса 7, цилиндры класса 6 – все, как и обещал мелкий шрифт объявления о продаже.

Пит щелкнул замком, вошел в прихожую. Еще какую-нибудь пару часов назад здесь бродили люди – пили кофе, ждали, когда освободится туалет, и глазели в окна, высматривая знакомых. Кровати – одна двуспальная и две простые – остались застеленными, как и договаривались. Луизе первые месяцы придется спать с мамой. Кухонный стол со стульями, даже угловой диванчик в гостиной и телеэкран, чтобы Расмусу и Хюго было чем заняться первые дни.

Все чисто, прибрано. На верстаке две связки ключей с бирочками – «подвал», «веранда», «постирочная». И запах – их запах. Не то чтобы неприятный, просто особенный. Его имеет каждая семья, но чувствуют только посторонние. Пит спросил себя, как пахнет со стороны его семья – сам он, Зофия и дети?

Дом без пуленепробиваемого бетона, но во всем остальном просто находка. Если обнаружатся стены недостаточной толщины, Пит сам укрепит их защитной оболочкой. На заднем сиденье машины и в багажнике лежит тепловой пистолет, ящик с инструментами, полимерный пластик и ламинат. В прихожей придется добавить еще одну дверь из пластика – куда сподручнее, чем везти сюда цельную плиту весом в несколько тонн. Тонкий слой пуленепробиваемого стекла выдерживает атаки даже с наиболее сложных для защиты углов. Несколько лет тому назад Пит уже приобрел что мог у русского производителя, специализировавшегося на такого рода пластике – вакуумном сплаве разных материалов с обычным стеклом. При толщине двадцать пять сантиметров этот сплав выдерживал автоматную очередь.

Итак, сначала дополнительная дверь в прихожей. Потом – укрепить балконную дверь и все окна.

Пит вышел на лестничную площадку и выбрал места для установки семи камер наблюдения – крохотных, почти незаметных глазу. Странно, но то, что в одной ситуации представляет собой угрозу, может стать защитой в другой. А еще в четырех местах он разместит детонаторы – мины замедленного действия, приводимые в действие при помощи мобильного.

Наконец он подошел к самому главному – гардеробу в одной из спален.

Убегать, отгораживаться – это работало только до поры.

– Привет.

В конце концов, она была совсем рядом.

– Здравствуйте. Кто...

– Это я, Пит.

Молчание, полное недоумения.

– Что с твоим голосом? Ты простудился? Такое чувство, что тебе трудно дышать.

– Я все объясню при встрече.

Пит пытался определить, где она находится. Ловил фоновые звуки и знал, что Зофия делает то же самое – вслушивается и пытается понять, что происходит вокруг Пита.

– Завтра, как ты написал в записке?

– Может, раньше. Я надеюсь на это, хотя точно не знаю.

– Где ты?

– Не так далеко.

– Что ты там делаешь?

Она давно поняла, что-то случилось, но, как и в прошлый раз, все «что» и «почему» Пит будет держать при себе.

– Я не могу сказать тебе этого... пока.

– Что с твоим голосом, Пит? Может, помехи на линии? Мне перезвонить?

Она дома, именно так это звучало. Приглушенное урчание холодильника на заднем фоне и как будто скрип лестницы под чьими-то ногами.

– Как Расмус, Хюго, Луиза?

– Все как обычно, Пит. Хюго в школе, сегодня у него много уроков. Расмус у соседей, играет в футбол. Луиза спит.

Вот теперь все стихло – ни холодильника, ни шагов. Только ее медленное дыхание.

– А ты, Зо?

– Что «я»?

– Мы ведь справимся со всем этим, как думаешь?

– Пит, что...

– Ну конечно, мы справимся, Зо.

Она выдвинула стул, похоже, на кухне. Он догадался по звукам – ножки слегка царапали пол.

– Думаю, да.

Больше они ничего не говорили. Пит два раза поцеловал трубку. Зофия сделала то же самое, прежде чем завершить разговор.

Как всегда – четное число раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.